И 140/594

И 140/594

...ящій Робинзонъ

ПРИКЛЮЧЕНІЯ АЛЕКСАНДРА СЕЛЬКИРКА

НА НЕОБИТАЕМОМЪ ОСТРОВѢ

СОЧИНЕНІЕ

А·Е·РАЗИНА

Р17

ИЗДАНІЕ
Т-ВА М·О·ВОЛЬФЪ

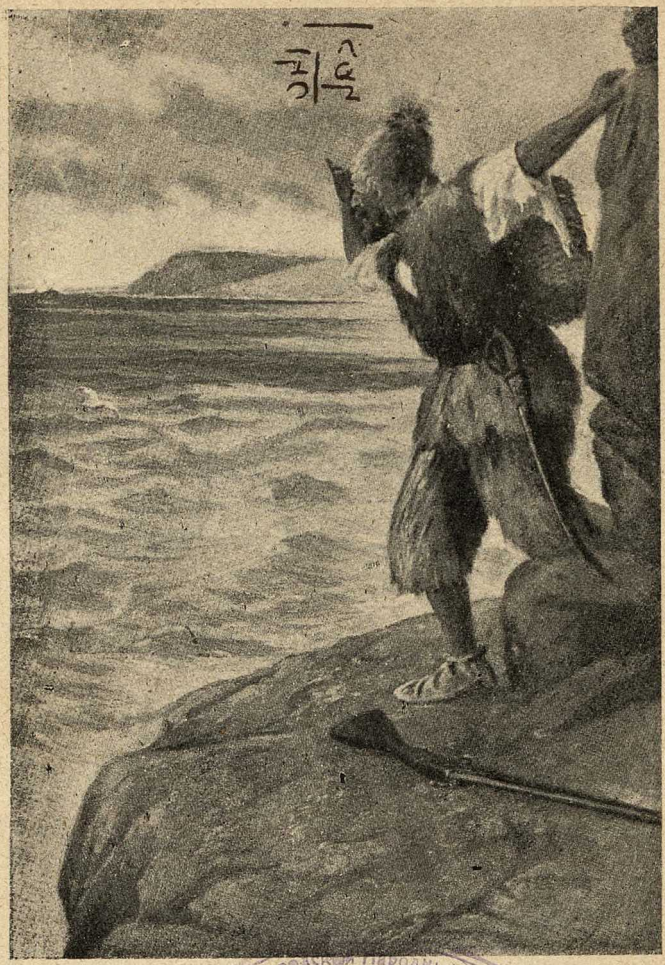
И 140/594

Р17

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
ОБОЗНАЧЕННОГО ЗДЕСЬ СРОКА.

Pn
1763

1853
1883
MOB



Московский Городской Народный Университет
БИБЛИОТ
Института Нар
Образов
им. А. Л. Шан

Ц 140/594

НАСТОЯЩІЙ РОБИНЗОНЪ

ПРИКЛЮЧЕНІЯ

АЛЕКСАНДРА СЕЛЬКИРКА НА НЕОБИТАЕМОМЪ ОСТРОВѢ

Р17

Заимствовано съ французскаго

А. Е. РАЗИНЫМЪ

Включено въ опытъ каталога ученическихъ, младшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній Мин. Нар. Просв.

Причислено къ особенно рекомендуемымъ книгамъ въ Обзорѣ дѣтской литературы, составленномъ кружкомъ учащихъ подъ ред. В. М. Гаршина и А. Я. Герда.

5029

ИЗДАНІЕ ПЯТОЕ

Съ иллюстраціями

Ленинградский Городской Народный Университет Института Народного Образования им. А.Л. Шанявского
БИБЛІОТЕКА ПОГАШЕНО
БИБЛІОТЕКА ПОГАШЕНО
СКИБИНСКОЙ
М. Бронная, № 11.
ТЕЛ. 5-02-58.

ИЗДАНІЕ
Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-Петербургъ | Москва
Гостин. Дв., 18 и Невскій, 13 | Кузн. Мостъ, 12 и Моховая, 22.
1913

ПЕЧАТЬ ТИПОГРАФІИ
Т-ва М. О. ВОЛЬФЪ
С.Петербургъ · Вас. Остр. 16 линія соб. домъ
1913

Всесоюзная библиотека имени В. И. Ленина
23307-44
2014079157

ПРЕДИСЛОВІЕ.

КТО изъ юныхъ читателей не слыхалъ про Робинзона Крузоэ? Кто съ замираніемъ сердца не слѣдилъ за приключеніями этого несчастнаго обитателя необитаемаго острова? Кто не сочувствовалъ невольному пустыннику, не дрожалъ въ опасныя для него минуты и не радовался каждой его удачѣ?

«Робинзонъ»—это одна изъ первыхъ книгъ въ дѣтской библіотекѣ каждаго дома, одна изъ тѣхъ безсмертныхъ книгъ, которыми восторгаются десятки тысячъ поколѣній, одно за другимъ, и вѣроятно будутъ восторгаться еще многія поколѣнія во всемъ образованномъ мірѣ. Это книга, содержаніе которой, по мнѣнію Бѣлинскаго, ни съ чѣмъ нельзя сравнить въ смыслѣ интереса для дѣтей.

Знаменитый авторъ Робинзона Крузоэ, англійскій писатель Даніель де-Фоэ, взялъ основою своего разсказа истинное происшествіе—похожденія молодого шотландца, Александра Селькирка, попавшаго на необитаемый островъ Сенъ-Жуанъ-Фернандецъ, но растворилъ ихъ въ безчисленныхъ подробностяхъ, являющихся нерѣдко плодомъ творческой фантазіи.

Въ предлагаемой же книгѣ дается подлинная исторія Селькирка, разсказываются всѣ приключенія такъ, какъ они были на самомъ дѣлѣ, такъ, какъ они были изложены самимъ героемъ разсказа въ рукописи, послужившей автору «Робинзона» основою для его книги.

У настоящаго Робинзона на томъ островѣ, на который онъ попалъ, не было товарища, не было знаменитаго Пятницы. Его житье было гораздо хуже, чѣмъ оно разсказано у де-Фоэ. Уединеніе еще страшнѣе тяготило его, нѣсколько разъ оно едва не приводило его къ гибели и т. д.

Мы разскажемъ только то, что дѣйствительно пережилъ и испыталъ Робинзонъ-Селькиркъ. Но этотъ разсказъ ничуть не умалитъ высокихъ достоинствъ и огромнаго значенія книги де-Фоэ: онъ явится лишь дополненіемъ или, вѣрнѣе, введеніемъ къ нему, возстановляющимъ неприкрашенную истину.

Московский Городской Народный Университет
БИБЛІОТЕКА
Института Народнаго
Образованія
им. А.Л. Шанявскаго

ВЪ концѣ 1703 года корабль «Эспадонъ», съ хорошимъ запасомъ съѣстныхъ и всякихъ другихъ припасовъ, нагруженный разными товарами, при попутномъ вѣтрѣ вышелъ изъ порта Дунбара (городъ въ Шотландіи). Онъ прошелъ мимо Ирландіи, оставилъ влѣво Францію и Испанію, зашелъ на Азорскіе и Канарскіе острова, останавливался на нѣсколько времени въ Гвинеѣ и обогнулъ Мысъ Доброй Надежды среди прославленныхъ бурь. Пройдя чрезъ Зондскій проливъ, онъ приставалъ къ Явѣ, къ Борнео; по Китайскому морю обогнулъ Филиппинскіе острова и, переплывъ Тихій океанъ, бросилъ якорь въ одной изъ бухтъ Калифорніи. Это огромное путешествіе предпринялъ на своемъ собственномъ кораблѣ нѣкто Страддлингъ, ста-

рый, сердитый морякъ, находившій особенное удовольствіе въ томъ, что его называли морскимъ волкомъ. Торговля и страсть къ богатству принудили его къ такому далекому путешествію.

Съ половины шестнадцатаго вѣка и еще въ семнадцатомъ носились слухи, что около Румянаго моря, нынѣшняго Калифорнскаго залива, есть страна, въ которой рѣки текутъ по золотому дну, а горы стоятъ на золотыхъ основаніяхъ. Эта дивная страна заранѣе, по слухамъ, названа Эльдорадо (Золотой Край), и множество путешественниковъ ѣздило отыскивать золото, но все напрасно. Многіе ученые послѣ тщательныхъ разысканій на мѣстѣ стали даже писать, что Золотой Край не земля, а сонъ, мечта. Въ началѣ восемнадцатаго столѣтія нѣсколько промышленниковъ пытались еще посылать корабли въ Эльдорадо; но неудачи заставили ихъ, наконецъ, отказаться отъ несбыточныхъ надеждъ, и въ Европѣ совсѣмъ перестали говорить объ Эльдорадо, развѣ только въ шутку или въ насмѣшку.

Золотой Край, однако, существовалъ, и въ наше время открытіе огромнаго количества золота въ Калифорніи доказало, что старинные слухи были справедливы.

Страддлингъ тоже понапрасну искалъ Эльдо-

радо и, наконецъ, отправился вдоль берега Мексики, къ югу. Гдѣ выгодно было, онъ торговалъ; гдѣ можно было, онъ открытой силой отнималъ чужое. Въ тѣхъ отдаленныхъ краяхъ и въ тѣ времена еще можно было безнаказанно разбойничать.

Но въ экипажѣ «Эспадона» былъ одинъ молодой человѣкъ, Селькиркъ, котораго приводили въ негодованіе жестокости хозяина корабля. Селькиркъ былъ родомъ шотландецъ, характера веселаго и беззаботнаго. Въ молодости онъ хорошо учился, слушалъ лекціи въ университетѣ; но разныя несчастія разорили его и лишили всякой возможности продолжать ученыя занятія. Надо было заботиться о томъ, чтобъ заработать кусокъ хлѣба и существовать честнымъ образомъ. Не долго думалъ онъ, да и нужда не даетъ много времени думать. Онъ поступилъ матросомъ на первый изъ отходящихъ кораблей и, какъ человѣкъ образованный, не могъ долго оставаться въ этомъ званіи: начальники скоро отличили его и дали ему на кораблѣ мѣсто, которое требовало знаній. Возвратившись на родину, онъ съ прежнею беззаботностью принялъ первое представившееся ему мѣсто и, по несчастію, попалъ на корабль Страддлинга.

Въ качествѣ помощника, Селькиркъ исполнялъ свою обязанность, какъ должно; но грубое обращеніе и жестокости хозяина вывели его изъ терпѣнія; потому-то онъ поневолѣ долженъ былъ иногда разбойничать вмѣстѣ съ остальнымъ экипажемъ. Грубому, невѣжественному Страддлингу не нравился его благородный и добрый помощникъ: между ними не было ничего общаго. Селькиркъ рѣшился, наконецъ, отпроситься на твердую землю. Онъ разсчитывалъ, что если выйдетъ на берегъ, то въ состояніи будетъ найти мѣсто на другомъ кораблѣ и опять пробраться въ Шотландію.

Страддлингъ съ злобной усмѣшкой согласился. Спустили на море лодку, положили въ нее все, что принадлежало Селькирку, положили еще нѣсколько пустыхъ бочекъ, чтобы кстати на берегу наполнить ихъ водою, посадили Селькирка и свезли на берегъ. Тамъ, за деревьями, казалось ему, должны быть и дома, и городокъ какой-нибудь; близко должно быть Коквимбо, гдѣ онъ найдетъ своихъ земляковъ... Лодка, нагрузившись водою, отчалила отъ берега; «Эспадонъ» поднялъ всѣ паруса и быстро скрылся изъ глазъ Селькирка.

Съ большимъ удовольствіемъ почувствовалъ

Селькиркъ, что онъ избавился, наконецъ, отъ своенравнаго хозяина, но въ то же время и грустно ему было разставаться съ товарищами. Впереди новыя сношенія съ другими людьми, совершенно ему незнакомыми, чужими: можно ли ему было надѣяться встрѣтить кого-нибудь близкаго совсѣмъ на другой сторонѣ земного шара, въ Коквимбо? Долго слѣдилъ онъ глазами за бѣлыми парусами «Эспадона», долго еще смотрѣлъ на то мѣсто, гдѣ пропала за горизонтомъ бѣлая точка, и потомъ взглянулъ вокругъ себя.

Онъ былъ на небольшомъ мысѣ, подъ раскидистыми деревьями; на сочномъ зеленомъ лугу солнце играло на разнообразныхъ, роскошныхъ цвѣтахъ. Предъ нимъ два ручья, пробѣжавъ блестящими извилинами по огромному лугу, соединялись почти у его ногъ и сливались съ моремъ. Онъ наклонился къ ручью, напился изъ него свѣжей, холодной воды, потомъ сорвалъ цвѣтокъ, затѣмъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ и сталъ осматриваться. Вправо отъ него были высокія, скалистыя, мѣстами зеленыя и повсюду пустынныя горы; только на вершинѣ одной изъ нихъ онъ увидѣлъ козу, съ длинными рогами, и очертанія ея темнымъ пятномъ красиво и четко рисовались на ясной лазури. Налѣво отъ него

было нѣсколько цѣпей небольшихъ зеленыхъ холмовъ съ чудесными, веселыми долинами. Но и направо въ горахъ, и налѣво въ долинахъ напрасно искалъ онъ глазами какихъ-нибудь слѣдовъ человѣческаго жилья. Сначала, второпяхъ, при высадкѣ на берегъ ему показалось, будто онъ видѣлъ домъ, даже цѣлый городъ; а послѣ, всмотрѣвшись, онъ замѣтилъ, что это только голая скала.

Но Коквимбо должно быть недалеко. Селькиркъ сталъ собираться въ путь. Онъ привезъ съ собою на берегъ всѣ свои вещи, оружіе, морскіе инструменты, карты, Библію, нѣсколько провизіи разнаго рода. Селькиркъ взялъ только ружье да порохъ, а все остальное припряталъ, какъ можно лучше, подъ иглами кактуса и алоэ, чтобы какой-нибудь прохожій не вздумалъ воспользоваться его богатствомъ.

Въ то время, какъ онъ возился около своихъ вещей, онъ вдругъ почувствовалъ, что его сзади обхватили двѣ покрытыя шерстью руки. Оглядывается и видитъ, что съ нимъ играетъ и скалитъ зубы Маримонда, обезьяна, принадлежавшая хозяину «Эспадона», Страддлингу.

Какъ она сюда попала? Должно быть ей надоѣло морское путешествіе; между тѣмъ какъ

готовили лодку, она вѣроятно спустилась въ нее и нашла себѣ мѣсто между бочками; а тамъ, на берегу, гдѣ же увидѣть ее въ листьяхъ и густо переплетшихся вѣтвяхъ?

Селькиркъ оттолкнулъ отъ себя обезьяну и отправился въ путь. Маримонда, однако же, не отставала; сдѣлавъ нѣсколько скачковъ и гримасъ, чтобы умилостивить человѣка, она опять, припрыгивая, пошла за нимъ. Но Селькирку вовсе не хотѣлось явиться въ Коквимбо съ такимъ страннымъ товарищемъ; на этотъ разъ онъ сильнѣе прежняго оттолкнулъ ее и уже не рукою, а прикладомъ ружья.

Получивъ толчокъ въ самую грудь, бѣдная обезьяна остановилась; глаза ея забѣгали, заморгали: она стала шевелить губами, съ тихимъ, жалобнымъ воплемъ забилась подъ какой-то большой листъ и оставила человѣка одного идти своей дорогой.

Сначала Селькиркъ обошелъ ближнія долины, всходилъ на пригорки, но нигдѣ не видѣлъ ни города, ни деревни, ни дома, ни избушки, ничего, что могло бы навести его на слѣдъ человѣческаго жилья.

Однако же, проходя по одному небольшому лѣску, онъ замѣтилъ, что деревья какъ будто были

подстрижены, какъ въ нѣкоторыхъ садахъ; на землѣ валялись отрѣзанныя вѣтки; неподалеку оттуда, на сыромъ пескѣ онъ увидѣлъ свѣжіе слѣды недавно прошедшаго стада.

Вотъ, наконецъ, вдали, неподалеку отъ моря, среди тумана видитъ онъ цѣлый городъ: множество красныхъ и бѣлыхъ домовъ; на нѣкоторыхъ кровли плоскія, на другихъ—изъ пальмовыхъ листьевъ; среди слоевъ тумана видѣлъ онъ даже, какъ блестятъ стекла въ окнахъ; ему ужъ кажется, будто онъ слышитъ обычный говоръ и шумъ города, будто ужъ раздаются удары молота и стукъ мельницъ!

Это конечно Коквимбо! Онъ выбралъ ближайшую, прямую дорогу и пошелъ скорѣе.

Онъ идетъ, идетъ и уже старается разсмотрѣть главную улицу... Между тѣмъ отъ легкаго вѣтерка туманъ потянулся на гору, и Селькиркъ ясно увидѣлъ груду голыхъ скалъ, а на нихъ мѣстами немного травы и кустарники кактуса. Подходя ближе къ воображаемому городу, онъ спугнулъ стадо дикихъ козъ; тутъ же стаи чаекъ и болтливыхъ дроздовъ поднялись и закружились въ воздухѣ; только дятлы, не двигаясь, постукивали своими твердыми клювами въ кору старыхъ деревъ.

Коквимбо, однако, должно быть не далеко. Боясь, впрочемъ, слишкомъ удаляться отъ берега, чтобы не заблудиться въ незнакомой странѣ, онъ рѣшилъ сначала повнимательнѣе присмотрѣться къ разнымъ предметамъ. Возвратившись на то мѣсто, гдѣ вышелъ на берегъ, онъ сталъ взбираться на горы, бывшія отъ него влѣво. Взошелъ на первую площадку, смотрѣлъ, смотрѣлъ... никакого слѣда города! Взобрался выше, обнимаетъ взглядомъ большое пространство: множество лѣсовъ, горъ, долинъ, а человѣческаго жилья нѣтъ! Тогда, взбираясь на четверенькахъ, по камнямъ, обрывамъ и уступамъ съ большимъ трудомъ достигъ онъ верхней части горы. Оттуда обширный горизонтъ открылся его глазамъ, и на этомъ горизонтѣ—только море, да море со всѣхъ сторонъ.

Онъ былъ не на твердой землѣ, а на островѣ.

Въ тотъ вечеръ Селькиркъ, измученный до крайности, помѣстился на ночь въ маленькомъ естественномъ гротѣ при подошвѣ горы и спалъ безпокойнымъ, прерывистымъ сномъ.

На другой день онъ поднялся вмѣстѣ съ солнцемъ и прежде всего сталъ осматривать свои богатства и провизію. У него были два ружья, два топора, большой ножъ, чугунный котелъ, Библія, математическіе инструменты, запасная одежда;

сверхъ того онъ нашелъ нѣсколько гвоздей, большой кусокъ парусины, боченокъ пороху, свинцу, мѣшокъ сухарей, четверть ветчины, боченокъ семги и съ дюжину кокосовыхъ орѣховъ. Тутъ только онъ догадался, что Страддлингъ съ намѣреніемъ высадилъ его на островъ и приговорилъ къ изгнанію, можетъ быть очень продолжительному, если не вѣчному; а то иначе, зачѣмъ же было давать ему столько провизіи? Но неужели онъ здѣсь совершенно одинъ?

Послѣ сытнаго завтрака, все еще увѣренный, что на островѣ есть люди, онъ отправился ихъ отыскивать. Но, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, онъ увидѣлъ совершенно спокойно и неподвижно сидѣвшую птицу.

Эта птица была туканъ, съ блестящими перьями и огромнымъ клювомъ. Селькиркъ шелъ въ трехъ шагахъ отъ него, а туканъ, не трогаясь съ мѣста, смотрѣлъ на человѣка съ какимъ-то спокойнымъ, мирнымъ удивленіемъ.

Селькиркъ остановился.

— Такъ ты не знаешь,—сказалъ онъ птицѣ,— что такое человѣкъ? Ты знаешь, что можешь понадобиться ему на завтракъ?

И онъ ударилъ рукою по прикладу ружья и взвелъ курокъ.

Птица подняла голову, и въ глазахъ ея выразилось еще большее удивленіе при звукахъ человѣческаго голоса, при стукѣ оружія. Потомъ она громко щелкнула своимъ пустымъ клювомъ, пронзительно и протяжно крикнула и, гордо приподнявъ одно крыло, стала чистить свои прелестныя съ пурпуровымъ отливомъ зеленоватыя перья.

Недалеко оттуда Селькиркъ увидѣлъ другихъ птицъ: однѣ сидѣли въ гнѣздахъ, другія же на вѣткахъ, ничуть не безпокоясь, и распѣвали свои пѣсенки. Хохлатые дрозды и снигири съ капишонами смѣло хватали насѣкомыхъ и зернышки почти подъ ногами Селькирка; колибри и другія мелкія птицы вертѣлись около него и, мелькая въ солнечныхъ лучахъ, гонялись за невидимыми для него мошками; черные и зеленые дятлы, взлѣзая на древесные стволы, на минуту останавливались, чтобы видѣть, какъ онъ пройдетъ, и потомъ опять продолжали свою работу. Дальше увидѣлъ онъ въ густой травѣ небольшое животное, съ зайца величиной, съ острой мордочкой, въ сѣрой шубкѣ съ рыжеватыми пятнышками. Звѣрекъ, сидя на заднихъ лапкахъ, держалъ передними какіе-то плоды и ѣлъ ихъ съ

Московская Городская Народная Университетъ им. А.Л. Шанявскаго
БИБЛІОТЕКА
Института Народнаго
Образованія

большимъ аппетитомъ. Это была агути, съ своими маленькими дѣтьми, которыя тутъ же закусывали вмѣстѣ съ нею. Завидѣвъ незнакомаго, они всѣ бросились къ матери, однако, скоро успокоились и попрежнему продолжали свой завтракъ.

Дальше видѣлъ онъ цѣлыя стада индѣйскихъ или заморскихъ свинокъ; видѣлъ броненосцевъ, которые спокойно останавливались и давали ему дорогу; видѣлъ коати, съ ихъ короткими ушами, длиннымъ хвостомъ и подвижной мордочкой.

Это спокойствіе всѣхъ животныхъ все больше и больше увѣряло Селькирка, что онъ на островѣ одинъ. И все глубже и глубже чувствовалъ онъ тоску одиночества.

— Однако, вчера только, не дальше, я видѣлъ подстриженныя деревья въ этой рощицѣ,— подумалъ онъ, и сталъ разсматривать рощицу повнимательнѣе и нашелъ, что это козы такъ тщательно обстригли миртовыя деревья, выбирая молодые листочки и свѣжіе отпрыски.

Тогда только совершенное и полное сознаніе его несчастія обрушилось на него съ страшной тяжестью. И такъ онъ выключенъ изъ числа людей, долженъ умереть отъ разныхъ лишеній и отъ голода!

О, какъ въ это время онъ ненавидѣлъ Страдд-

линга! А тутъ, какъ нарочно, надъ головой у него что-то зашумѣло. Это обезьяна завозилась въ древесныхъ вѣтвяхъ. Маримонда, съ своей стороны, тоже осматривала островъ и уже начала пробовать его произведенія. Была ли она довольна тѣмъ, или она не умѣла долго помнить обиды, но, увидѣвъ товарища далекаго морского путешествія, она весело кивнула головой и стала спускаться къ нему съ дерева.

Но Маримонда—обезьяна Страддлинга; она жила съ нимъ въ одной каютѣ, она забавляла его. Въ досадѣ на хозяина, въ лихорадочномъ безпокойствѣ о своей участи, не обдумавъ хорошенько, что онъ хочетъ сдѣлать, Селькиркъ рѣшилъ выместить на обезьянѣ свою злость на человѣка.

Онъ приложился и выстрѣлилъ... Обезьяна видѣла его движеніе, угадала намѣреніе и успѣла до половины спрятаться за стволъ дерева; однако, часть заряда попала ей въ бокъ.

Этотъ выстрѣлъ, можетъ быть, первый въ томъ уголкѣ земли съ сотворенія міра, загрохоталъ перекатами изъ эха въ эхо, до самыхъ вершинъ горъ, и весь островъ отозвался на него болѣзненнымъ стономъ. Чутье сказало всѣмъ животнымъ, что родилась вдругъ страшная опасность.

Птицы подняли нестройный, дикій крикъ; вдали, на горахъ послышалось безпокойное блеяніе козъ, и въ то же время послышалось всхлипываніе, похожее на голосъ плачущаго дитяти.

Это Маримонда кричала отъ боли.

Цѣлый день бродилъ Селькиркъ, то надѣясь еще открыть какіе-нибудь признаки людей, то безъ всякой мысли, безъ всякаго вниманія, съ глухимъ отчаяніемъ посматривая кругомъ.

Къ ночи, опять по-вчерашнему утомленный, возвращался онъ къ своему береговому гроту; вдругъ къ его ногамъ упалъ камень, потомъ другой.

Покамѣстъ онъ въ недоумѣніи искалъ глазами, кто бы могъ въ него бросать, небольшой плодъ пальмы попалъ ему въ щеку. Въ то же время онъ услышалъ веселый, радостный визгъ и движеніе въ вѣтвяхъ и замѣтилъ Маримонду, которая перебиралась съ дерева на дерево, работая обѣими ногами, хвостомъ и одною только рукою: другая съ какою-то жеваною травою была прижата къ раненому боку.

И вотъ на островѣ уже война! У Селькирка есть уже тамъ отъявленный врагъ. А островъ былъ необитаемъ! Онъ исходилъ его по всѣмъ направленіямъ и нигдѣ не нашелъ никакихъ признаковъ человѣка.

Онъ вполнѣ чувствовалъ свое положеніе и не могъ уже больше сомнѣваться. Но онъ не совсѣмъ еще поддавался унынію; по временамъ онъ гордо поднималъ голову, и глаза его сверкали силой и твердостью: онъ зналъ, что у него хватитъ силъ перенести свое несчастіе.

Онъ осмотрѣлъ свои владѣнія. Островъ былъ неправильной формы, верстъ восемнадцать или двадцать въ длину и шесть или восемь въ ширину. Островъ его былъ такъ роскошно-живописенъ, что лучшаго жилища, кажется, онъ не могъ бы себѣ выбрать. Въ горахъ попадались ему, правда, безплодныя, обрывистыя скалы и пропасти; но ими еще лучше оттѣнялись свѣжія, зеленыя долины, ихъ окружавшія. Въ мрачныхъ, непроходимыхъ лѣсахъ, переплетенныхъ ліанами, не попалось ему ни одной змѣи.

Повсюду холодные ключи, которые тамъ пропадаютъ среди густой зелени, здѣсь валятся съ холмовъ пѣной каскадовъ; повсюду роскошная растительность; со всѣхъ сторонъ солнце, освѣщающее овощи и плоды, нѣкоторые совсѣмъ незнакомые, но на видъ, по крайней мѣрѣ, вкусные; около береговъ—устрицы и раковины всякаго рода; тутъ же, на сыромъ пескѣ, открывшемся во время отлива, барахтаются огромные

морскіе раки, а въ прозрачныхъ водахъ — большія стада рыбы всѣхъ цвѣтовъ и всевозможныхъ формъ. Или развѣ дичи ему не хватитъ? Судя по тому, что онъ видѣлъ утромъ, не нужно ему буд тъ и ружья! О, надолго хватитъ ему его запаса пороха!

И чего еще желать ему на этомъ великолѣпномъ островѣ? Общества людей? Но для чего? Люди бросили его, покинули! И развѣ онъ не сумѣетъ обойтись безъ помощи другихъ! Теперь онъ будетъ зависѣть только отъ себя, никому ничѣмъ не будетъ обязанъ! Къ тому же этотъ островъ не Богъ знаетъ какъ далеко лежитъ отъ твердой земли; отъ времени до времени передъ нимъ будутъ показываться корабли, даже можетъ быть лодки. Это будетъ для него только минутнымъ отдыхомъ, а теперь кругомъ, со всѣхъ сторонъ море стережетъ его. Чего же еще желать ему? Онъ совершенно доволенъ судьбой.

□ □ □

Прошло три мѣсяца.

Берегъ, на который былъ высаженъ Селькиркъ, во многомъ измѣнился. Онъ уже не только живописенъ, но и оживленъ: видны слѣды руки человѣка.

Кустарникъ и нѣсколько группъ деревъ стѣсняли видъ на ближніе холмы: Селькиркъ повыдергалъ кусты и вырубилъ нѣсколько деревъ, чтобъ лучше любоваться, какъ вьются по лугу его ручьи. Къ нимъ ведетъ хорошенькая, плотно утоптанная тропинка; другая ведетъ къ горамъ, что налѣво; третья останавливается подъ огромной мимозой, которая разрослась зонтикомъ. Подъ нею, на палкахъ, вколоченныхъ въ землю, устроено что-то въ родѣ скамейки; около нея родъ стола и небольшой плетень. Это учебный кабинетъ, мѣсто уединенныхъ размышленій; тамъ также онъ обѣдаетъ, любуясь моремъ.

Всѣ эти тропинки сходятся около грота, въ которомъ все еще живетъ Селькиркъ. Онъ расширилъ этотъ гротъ и сдѣлалъ его выше, работая топоромъ, чтобы удобнѣе помѣститься тамъ съ своимъ имуществомъ и провизіей. Онъ попробовалъ также сдѣлать подлѣ него снаружи нѣкоторыя украшенія: устроилъ дерновую скамью, насажалъ у входа нѣсколько ползучихъ растеній, чтобы прикрыть его каменистую наготу. По обѣимъ сторонамъ его жилища стоятъ двѣ недавно пересаженныя молодыя пальмы. Но природа не всегда слушается человѣка: ліаны и пальмы худо принялись на новой почвѣ, и те-

перь гибкія вѣтви однѣхъ и широкіе листья другихъ, полузавядшіе, печально висятъ надъ входомъ въ гротъ.

Но вода ручья недалеко, и Сел.киркъ надѣется возвратить имъ жизнь и здоровье. Одинъ изъ ручьевъ ужъ пригодился на устройство рыбнаго садка. Возлѣ самаго ручья вырылъ онъ довольно большую, широкую яму, провелъ въ нее канавки, и его прудъ наполнился; потомъ онъ поставилъ въ этихъ канавкахъ по прочному плетню, и садокъ готовъ; только сажать въ него нечего. Надо было плесть сѣти, ловить рыбу. Съ большимъ трудомъ, изъ нѣсколькихъ нитокъ паруса и изъ кокосовыхъ волоконъ устроилъ онъ сѣть; но, по несчастію, на днѣ ручьевъ были острые камни; сѣть по нимъ проходила, зацѣплялась, рвалась, а красивая и должно быть превкусная рыба опускалась на дно и убѣгала съ невообразимой быстротой. Дѣлать было нечего, пришлось ловить рыбу на удочку, сплюснуть для этого, заострить и согнуть гвоздь. Конечно, была, наконецъ, и удача, но послѣ большихъ трудовъ, при помощи большого терпѣнія; къ счастію, морскихъ раковъ можно было брать просто руками, и труды, употребленные на садокъ, не пропали понапрасну.

Сверхъ того, у Селькирка была еще въ запасѣ возможность охотиться. Но охотничьи подвиги свои онъ началъ великодушіемъ: на островѣ было много дикихъ кошекъ, которыя поѣдали птенцовъ въ гнѣздахъ, таскали молоденькихъ агути и другую мелкую дичь. Онъ почти совершенно избавилъ свой островъ отъ этихъ разбойниковъ.

Но одни только физическія упражненія надоѣдали ему. Душа требовала своей доли, своей половины наслажденій и дѣятельности. Вооружившись своей подзорной трубой, онъ при помощи морской карты старался опредѣлить, на какой онъ попалъ островъ. Съ большимъ вниманіемъ наблюдалъ онъ звѣзды и нашелъ, что онъ на одномъ изъ острововъ группы Чилое; провѣривъ свое вычисленіе, онъ нашелъ, что онъ на островѣ Жуанъ-Фернандецъ, Св. Амросія, или Св. Феликса. У него не было большихъ инструментовъ, которыми можно было бы совершенно точно опредѣлить мѣсто, и онъ рѣшилъ, что на его островѣ никто еще не бывалъ, что онъ еще не обозначенъ на морскихъ картахъ, что это еще земля безъ имени, и далъ ей свое—островъ Селькирка.

Съ большимъ любопытствомъ наблюдалъ онъ и изучалъ привычки и образъ жизни разныхъ

животныхъ своего острова. Отъ нечего дѣлать, онъ давалъ названіе разнымъ мѣстамъ. Берегъ, на который высадила его шлюпка, онъ назвалъ Берегомъ Эспадона; груда бѣлыхъ и красноватыхъ скалъ, виднѣвшаяся изъ-за тумана, была у него Ложное Коквимбо; Лѣсомъ Тукана назвалъ онъ ту рощицу, въ которой видѣлъ въ первый разъ эту мирную птицу. Скалистыя горы, изрѣзанныя оврагами и темными пропастями, онъ прозвалъ отвратительнымъ для него именемъ Страддлинга. Въ этихъ горахъ есть у него и оазисъ, маленькая тѣнистая долина съ гремучимъ ключомъ, который оттуда бѣжитъ въ море.

Рыбы въ рѣкахъ, раковъ по берегамъ моря, дичи со всѣхъ сторонъ — множество; но вотъ бѣда: всякій разъ, какъ надо развести огонь, чтобы жарить или варить что-нибудь, это обходится ему ужасно дорого, почти въ цѣлый ружейный зарядъ. Надо было придумать средство подешевле. Нѣсколько дней сряду онъ ѣлъ даже только мариновые орѣхи и другіе кое-какіе плоды. Но при безпрестанномъ движеніи питаться только такими вещами, которыя могли бы служить развѣ только дессертомъ, вовсе не весело. Пороха еще много, но и времени впереди, Богъ знаетъ, сколько! Будь у него сѣра, онъ преспо-

койно добывалъ бы огонь искрой. Искалъ онъ сѣры по острову, но не нашелъ; пробовалъ тереть одинъ о другой два куска одного и того же дерева, выбивался изъ силъ, а огня не было; пробовалъ тереть два куска разныхъ деревъ,— куски нагрѣвались только. Наконецъ, совершенно случайно напалъ онъ на одну ароматическую мирту, на которой растетъ ямайскій перецъ. Куски нагрѣлись у него въ рукахъ очень скоро; онъ продолжалъ тереть, и вотъ легкій, бѣлый дымокъ, отдѣляясь отъ дерева, сначала слѣдуетъ за быстрымъ движеніемъ его дрожащихъ рукъ и потомъ разлетается въ воздухѣ. Дымъ идетъ гуще, и наконецъ показалось пламя. Торопливо собралъ онъ кое-какія вѣтки, и вскорѣ запылалъ у него огромный костеръ. Селькиркъ былъ очень доволенъ новымъ открытіемъ, потому что видѣлъ въ немъ сбереженіе своего пороха, по крайней мѣрѣ, на одинъ зарядъ въ день.

Хотя дикія козы, какъ и всѣ остальные обитатели острова, стали очень пугливы съ тѣхъ поръ, какъ громъ въ рукахъ человѣка настрадалъ ихъ, съ тѣхъ поръ, какъ онѣ узнали, что такое человѣкъ; однако, Селькирку удавалось еще подстерегать ихъ на разстояніи ружейнаго выстрѣла. Такая дичь была ему полезна не для

одной только пищи; изъ ихъ роговъ онъ дѣлалъ себѣ пороховницы и другія необходимыя въ хозяйствѣ мелочи; изъ кожъ — ковры, одѣяла и мѣшки для того, чтобы сохранить въ нихъ провизію отъ сырости. Онъ сшилъ себѣ даже охотничье мѣховое платье, которое носилъ постоянно.

Теперь у него есть все необходимое, есть свободныя минуты для наблюденій надъ животными и вообще надъ природой; однако, на лбу его отъ чего-то являются морщины, что-то его какъ будто мучитъ и томитъ, какъ будто ему чего-то недостаетъ. Думалъ онъ, думалъ и, наконецъ, догадался, что ему должно быть недостаетъ табаку, къ которому онъ такъ привыкъ. Вслѣдъ за этою мыслью, онъ былъ уже увѣренъ, что когда у него будетъ табакъ, онъ будетъ совершенно счастливъ. Если бы Страддлингъ, вмѣсто окорока, положилъ ему порядочный запасъ табаку, то Селькиркъ помирился бы съ нимъ, простилъ бы ему все. Что ему въ томъ изобиліи, которое его окружаетъ?

Озабоченный и скучный бродилъ онъ однажды утромъ по своимъ владѣніямъ, съ ружьемъ на плечѣ, съ топоромъ за поясомъ; вдругъ слышитъ онъ, что въ густыхъ вѣтвяхъ что-то надъ нимъ зашевелилось.

Это была Маримонда.

При видѣ своего непріятеля, она проворно перескочила на другое дерево, на третье и пропала у него изъ глазъ. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ того, онъ увидѣлъ ее снова: сидитъ преспокойно на вѣтви, придерживаясь своимъ цѣпкимъ хвостомъ, и въ обѣихъ переднихъ рукахъ держитъ по какому-то плоду въ жесткой оболочкѣ. Постукаетъ эти плоды то одинъ о другой, то о вѣтвь, чтобы разбить ихъ; потомъ, когда это не удается, съ смѣшными ужимками, поскоблитъ ихъ зубами, осмотритъ со всѣхъ сторонъ съ сердитымъ видомъ и снова примется колотить одинъ о другой.

Видъ Маримонды всегда возбуждалъ въ Селькиркѣ сильное негодованіе: она напоминала ему Страддлинга, а теперь онъ находилъ даже, что она очень похожа на своего бывшаго хозяина. Однако, онъ остановился и долго смотрѣлъ на нее почти съ участіемъ; ему хотѣлось уже топоромъ своимъ помочь ей разгрызть орѣхи.

Уничтожая дикихъ кошекъ на своемъ островѣ, онъ встрѣчалъ уже Маримонду на разстояніи ружейнаго выстрѣла и не разъ спрашивалъ себя, считать ли ее въ числѣ вредныхъ животныхъ? Но тогда Маримонда все еще придерживала себѣ

одною рукою бокъ, а другою рвала разныя травы, пробовала ихъ, жевала и потомъ прикладывала къ своей ранѣ. Тогда она была такая худая, неповоротливая, шерсть на ней лежала неровно, такъ что Селькирку казалось, будто Маримонда не проживетъ и трехъ дней; а теперь она здорова, бойка, проворна и ужъ не придерживаетъ раненаго бока.

— Нашла же себѣ обезьяна такую траву, которая возвратила ей силы и здоровье, а я,—думалъ Селькиркъ,—я учился въ одномъ изъ лучшихъ университетовъ Шотландіи, а понапрасну ищу травы, которая могла бы сколько нибудь замѣнить табакъ и сдѣлать меня совершенно счастливымъ! Неужели же инстинктъ, чутье выше разума?.. Нѣтъ, думать это, значитъ, быть неблагодарнымъ Провидѣнію! Попробую, однако, послѣдовать примѣру Маримонды: буду искать, пробовать, выбирать и вѣрно что-нибудь найду. Досадно, а дѣлать нечего! Здѣсь выходитъ, что человѣкъ подражаетъ обезьянѣ, тогда какъ должно бы быть наоборотъ!

□□□

Недѣли черезъ двѣ или три послѣ того Селькиркъ отыскалъ себѣ растеніе, довольно близкое

къ никотіанѣ, или табаку. Такъ какъ для него важнѣе всего былъ вкусъ растенія, то онъ пробовалъ листья, кусалъ ихъ, жевалъ, все въ подражаніе обезьянѣ. Но сначала страшная неудача едва не стоила ему жизни: одно изъ попробованныхъ растеній было ядовито. Сперва онъ почувствовалъ только, что ѣдкій сокъ слегка кусаетъ ему языкъ; въ этомъ отношеніи было сходство съ табакомъ, и онъ съ большою радостью продолжалъ жевать листья. Но мало-по-малу боль во рту стала нестерпима, черезъ нѣсколько минутъ весь ротъ у него распухъ, разболѣлся, горло горѣло; послѣ по всему тѣлу сдѣлалась у него какая-то сыпь, и онъ такъ ослабѣлъ, что съ большимъ трудомъ могъ дотащиться до ручья, чтобы утолить въ немъ жгучую свою жажду.

Съ трепетомъ ждалъ онъ медленной, мучительной смерти; сильная боль смирила его гордость, и, обратясь къ морю, онъ тяжко вздохнулъ. Мысль о родинѣ мелькнула у него въ умѣ, но онъ не хотѣлъ еще сознаться самому себѣ, что человѣку необходимы другіе люди.

Въ нѣсколько дней онъ совсѣмъ поправился, и силы его возвратились. Но теперь онъ принялся уже отыскивать табакъ гораздо осторожнѣе—по запаху, а не по вкусу. Едва не всѣхъ возмож-

ныхъ родовъ растеній съ своего острова набралъ онъ, высушилъ и потомъ понемножку жегъ, чтобы по дыму оцѣнить достоинство листьевъ.

Два растенія взяли, наконецъ, верхъ по своему ароматическому запаху: петунія и кока. Изъ смѣси ихъ съ небольшимъ количествомъ морской воды и толченыхъ миртовыхъ ягодъ получается довольно хорошій табакъ.

Теперь, едва только Селькиркъ проснется, онъ уже куритъ и не перестаетъ курить за работой, дѣлая скамейку, лѣстницу, корзину или новую трубку изъ раковины; онъ куритъ во время рыбной ловли, на охотѣ; возвратясь домой, онъ растянется передъ своимъ гротомъ на дерновой скамьѣ и опять куритъ; послѣ обѣда или завтрака, облокотясь на столъ и ничего не дѣлая, онъ снова куритъ.

Однако, несмотря на новое наслажденіе, котораго онъ такъ добивался, несмотря на то, что у него есть все необходимое, и есть трубка, опять чувствуетъ онъ, что на него порой нападаетъ какое-то темное, неясное безпокойство.

Сначала казалось ему, что это отъ нездоровья; но онъ попрежнему дѣятеленъ и силенъ; потомъ онъ сталъ думать, что ему вреденъ запахъ слишкомъ пахучихъ деревъ; онъ срубилъ вокругъ

себя эти деревья, а все попрежнему тяжело на душѣ. Послѣ онъ открылъ, что ему вредна рыба, которую онъ ѣлъ безъ приправы соли съ тѣхъ поръ, какъ вышелъ весь его окорокъ; онъ отказался отъ рыбы, а все не проходятъ эти припадки мрачной меланхоліи.

Особенно тяжело ему въ то время, когда наступаетъ страшное, но очень обыкновенное въ тропическихъ странахъ затишье во всей природѣ: всѣ птицы молчатъ и не шевелятся; ни изъ одного куста, ни изъ одной норы не слышно ни малѣйшаго шороха; насѣкомыя будто заснули въ закрывшихся цвѣтахъ; листья мимозы свертываются; ни малѣйшее дыханіе вѣтра не шевелитъ вершинами деревъ, и неподвижное море не бьется о берегъ.

Невозможно выразить, какъ тягостна такая тишина. Тихо все, а между тѣмъ въ ушахъ у человѣка отъ жара и прилива крови къ головѣ раздаются шумъ и страшный звонъ, будто слышится движеніе небесныхъ свѣтилъ и міріадъ міровъ въ безконечной глубинѣ неба, охватывающаго землю.

Мысль путается и изсякаетъ передъ этой страшной, мертвой неподвижностью, и, если не къ кому прибѣгнуть, чтобы разсѣяться, человѣкъ пропадаетъ въ своемъ ничтожествѣ.

Иной разъ Селькиркъ кликалъ самого себя, чтобы разрушить эту тягостную, болѣзненную тишину; онъ говорилъ вслухъ нѣсколько словъ, и ему страшно становилось своего собственнаго голоса, который казался ему необыкновенно громкимъ.

Однажды во время такой зловѣщей тишины, когда, кажется, будто замерла вся природа, Селькиркъ сидѣлъ на берегу и тоскливо ждалъ; вечерней прохлады не было, наступалъ только мракъ ночи. Луна не являлась, будто медлила за горизонтомъ; море было тихо, мрачно и гладко, будто замерзло.

Вдругъ Селькиркъ видитъ направо отъ себя, что море безъ малѣйшаго вѣтра на большомъ пространствѣ закипѣло и заволновалось. Онъ видитъ множество лодокъ, которыя бороздятъ поверхность воды. Всѣ онѣ пристаютъ къ берегу въ небольшомъ заливѣ, недалеко отъ Мыса Эспадона.

Больше ничего ему не видно, но слышны страшные крики, ревъ и нестройное завыванье.

Все кончено! Это дикари индѣйцы, выгнанные, можетъ быть, европейскими завоевателями. Бѣда! Ему не будетъ отъ нихъ ни сожалѣнія, ни пощады! Холодный потъ выступилъ у него на

лицѣ, онъ бросился въ свой гротъ, взялъ ружье, захватилъ пороха, пуль, кусокъ козьяго мяса и цѣлую ночь бродилъ по своимъ лѣсамъ и горамъ, не зная, куда дѣваться. Ему все казалось, что за нимъ гонятся; ему все видѣлись между кустами огненные глаза, которые за нимъ подсматриваютъ.

Съ разсвѣтомъ, какъ можно осторожнѣе, почти все ползкомъ, подкрался онъ къ своему гроту и нашелъ, что весь берегъ покрытъ тюленями.

Эти-то непріятели такъ его перепугали.

Это было въ февралѣ, во время самыхъ большихъ тропическихъ жаровъ. Въ это время тюлени съ береговъ Чили и Перу начинаютъ свои періодическія странствованія; тогда они вступали во владѣніе островомъ, который былъ для нихъ всегдашнимъ мѣстомъ остановки. Но теперь на островѣ есть уже хозяинъ.

Думая встрѣтить опасность и неминуемую смерть, Селькиркъ нашелъ себѣ развлеченіе, предметъ для наблюденій и, можетъ быть, хорошую добычу.

Давно уже онъ читалъ въ описаніяхъ путешествій странные разсказы про этихъ морскихъ телятъ, львовъ, морскихъ слоновъ, которые знаютъ и соблюдаютъ свою дисциплину, разста-

вляютъ или, лучше сказать, раскладываютъ часовыхъ и понимаютъ сигналы.

Онъ подмѣчаетъ все, что они дѣлаютъ, съ любопытствомъ разсматриваетъ странныя формы этихъ животныхъ, въ половину четвероногихъ, въ половину рыбъ: ихъ ноги, будто задѣланныя въ мѣшокъ, съ крючковатыми когтями, при помощи которыхъ они ползаютъ по землѣ, ихъ кожу, покрытую короткою, блестящею шерстью, ихъ головы и круглые глаза...

Онъ смотритъ, какъ они играютъ между собою, борются. Но скоро ихъ ревъ и завыванье надоѣдаютъ ему, и онъ уже жалѣетъ о прежней тишинѣ своего уединенія.

Но тюлени не только надоѣдаютъ, а прямо уже вредятъ Селькирку.

Однажды утромъ онъ нашелъ, что его садокъ совершенно опустошенъ, что въ немъ не осталось ни одного рака.

Въ страшной досадѣ онъ объявилъ войну пришельцамъ: три дня онъ за ними подсматриваетъ, преслѣдуетъ ихъ. Десять тюленей падаютъ подъ его пулями, а остальные обращаются въ бѣгство; все тюленье войско, кинувшись въ море, перебралось на другой край острова.

Война была полезна побѣдителю. Изъ шкуръ

побѣжденныхъ онъ сдѣлалъ себѣ новую койку, а парусъ могъ употребить на другое; онъ понадѣлалъ себѣ также мѣховъ, въ которыхъ сталъ хранить жиръ, вытопленный изъ тѣхъ же тюленей. Тогда онъ могъ устроить себѣ лампаду, которая горѣла день и ночь. Изъ мѣха сшилъ онъ себѣ шляпу съ очень широкими полями, чтобы они защищали его отъ слишкомъ жгучихъ лучей солнца. Пробовалъ онъ ѣсть тюленье мясо, но оно показалось ему отвратительнымъ; только сердце и языкъ, приправленные ямайскимъ перцемъ, очень хорошо шли въ дѣло.

Дни, недѣли, мѣсяцы проходили въ тѣхъ же самыхъ занятіяхъ, работахъ, а минуты отдыха— въ томъ же бездѣйствіи. Какъ онъ ни старался отдѣлаться отъ безысходной тоски, которая надъ нимъ тяготѣла, какъ ни старался развлекаться наблюденіями, онъ ничего не могъ сдѣлать. Только въ то время, когда онъ читалъ Библію, какое-то отрадное чувство его посѣщало и то ненадолго. Бродилъ онъ безъ цѣли по своему острову, вырѣзывалъ на деревьяхъ тѣ число и мѣсяцъ, когда былъ высаженъ съ корабля, вырѣзывалъ въ самыхъ отдаленныхъ мѣстахъ острова имя своего отечества. И послѣ, когда опять случайно приходилъ къ дереву съ надписью,

слово «Шотландія» заставляло быстрѣе биться его сердце, какъ будто что-то живое, какъ будто нечаянный откликъ на его безотрадную тоску по отчизнѣ. Онъ начиналъ даже жалѣть о тюленяхъ: когда они жили на его берегу, по крайней мѣрѣ, было на что смотрѣть, чѣмъ развлекаться; тогда, по крайней мѣрѣ, что-то жило, шевелилось около него.

Но гордость все-таки не позволяла ему сознаться, что ему недостаетъ общества людей; онъ очень упрямо приписывалъ свою тоску тѣлесному нездоровью. Въ такихъ припадкахъ онъ уходилъ въ горы, бралъ туда съ собою только Библію, подзорную трубу и трубку.

Онъ любилъ доходить и до своего оазиса; тамъ онъ садился на краю долины, обращенной къ морю, обнималъ взглядомъ огромное пространство и проводилъ тамъ цѣлые часы, разсматривая океанъ и каждую его волну.

Нѣтъ! Что еще себя обманывать! Онъ искалъ паруса корабля, который присталъ бы къ его острову, вырвалъ бы его изъ этой пустыни. Онъ не скрывалъ уже отъ себя, что его тяготитъ уединеніе!

Однажды видитъ онъ, что заходящее солнце освѣтило вдругъ вдали какую-то черную точку;

передъ нею волны съ пѣной разбиваются, какъ передъ носомъ корабля; въ глазахъ у него помутилось, и онъ весь задрожалъ, какъ въ лихорадкѣ. Онъ опять смотритъ, долго держитъ подзорную трубу, наведенную все на тотъ же самый предметъ, но черная точка не движется.

— Опять обманъ,—сказалъ онъ самъ себѣ:— это отмель или скала, которая открылась при отливѣ.

Онъ вытеръ стекла трубы и снова смотритъ; ему стало ужъ казаться, что волны пѣнятся и обходятъ скалу на большомъ пространствѣ.

— Неужели это островъ?.. Если это островъ, то есть ли на немъ кто-нибудь? О! я это узнаю... Построю лодку и, если Богъ сжалится надо мною, я туда доѣду...

Тутъ слышитъ онъ какъ-будто человѣческіе шаги на сухихъ листьяхъ, сметенныхъ вѣтромъ въ его маленькую долину. Онъ быстро оглядывается.

Это Маримонда.

Бѣдная обезьяна ужъ не прыгала, не рѣзвилась; можно было подумать, что и она исхудала и страдаетъ отъ скуки. При видѣ Селькирка, она сдѣлала было движеніе, чтобы убѣжать; но потомъ опять обернулась, робко сдѣлала нѣсколько

шаговъ къ человѣку и, поникнувъ головою, печальная, сѣла на землю, едва смѣя на него смотрѣть.

Неужели она примѣтила, что у человѣка не было оружія?

Селькиркъ давно не встрѣчалъ ея и забылъ свое прежнее къ ней отвращеніе.

Въ самомъ дѣлѣ, если подумаешь, то вѣдь она самое умное животное на всемъ островѣ. Онъ вспомнилъ, что на кораблѣ она повиновалась голосу, даже взгляду капитана, что ея продѣлки смѣшили весь экипажъ. Это сходство съ человѣкомъ, которое прежде казалось ему отвратительнымъ, теперь возбуждаетъ въ немъ снисходительность и мирныя мысли. Онъ обвиняетъ себя въ томъ, что такъ грубо и жестоко обошелся съ ней въ то время, когда бѣдное животное, раздѣлявшее съ нимъ изгнаніе, привѣтствовало его ласкою. И теперь оно возвращается безъ гнѣва, даже забывая полученную рану.

Онъ дружески кивнулъ Маримондѣ головой.

Въ отвѣтъ на это, она заморгала глазами, вся зашевелилась, однако, не приближалась къ нему. Селькиркъ нашелъ, что ея движеніе было даже нѣсколько граціозно, и сталъ къ ней подходить.

Щелкая зубами и двигая губами, она ждетъ его, пошевеливаясь на одномъ мѣстѣ.

Маримонда стала другомъ Селькирка...

Селькиркъ провелъ рукою по ея лбу, по шеѣ, нѣсколько разъ назвалъ ее по имени и потомъ пошелъ домой. Маримонда, весело припрыгивая, пошла за нимъ.

Человѣкъ и обезьяна помирились. Обоихъ давно утомило уединеніе.

□□□

Нашъ бѣдный островитянинъ сталъ теперь спокойнѣе духомъ; его задумчивость ужъ не такъ угрюма, какъ бывала прежде.

Прогулки по лѣсу, отдыхъ во время удушливаго полуденнаго зноя—ему сноснѣе съ тѣхъ поръ, какъ съ нимъ есть что-то еще, не одна его тѣнь; онъ началъ охотнѣе работать съ тѣхъ поръ, какъ кто-то смотритъ на его работу; даже говорить онъ сталъ гораздо больше прежняго, потому что теперь есть хоть какой-нибудь отвѣтъ на его голосъ.

Маримонда стала теперь товарищемъ Селькирка, его другомъ, его слугой; она какъ-будто понимаетъ его знаки, даже его скуку. Чтобы развлечь его, она пускается на разныя продѣлки: бѣгаетъ, скачетъ, перепрыгиваетъ съ дерева на дерево и выбивается изъ силъ, чтобы шумѣть около своего хозяина за десятерыхъ; она

подаетъ ему трубку, качаетъ его въ койкѣ и за всѣ свои старанія и заботы требуетъ только ласки. И Селькиркъ въ самомъ дѣлѣ ласкаетъ и любитъ ее.

Часто она присутствуетъ при обѣдѣ своего господина, иной разъ даже вмѣстѣ съ нимъ обѣдаетъ; сначала это позволялось только изъ снисхожденія Селькирка, а потомъ обратилось въ привычку. Обѣды эти бываютъ обыкновенно на открытомъ воздухѣ, подъ мимозой. Обезьяна, скорчившись, сидитъ на одной скамьѣ съ человѣкомъ, готовая по первому знаку подавать на столъ все, что ей вздумается. Она ужъ полюбила теперь мясо козъ, коати и агути; обезьяны этого рода, сапажу, легко привыкаютъ ѣсть мясо: но на столѣ появляется иногда и ея собственная добыча. Если нѣтъ десерта, она въ одно мгновеніе ока вскакиваетъ и пропадаетъ въ сосѣднемъ лѣсу; черезъ нѣсколько минутъ она возвращается съ плодами, которые ужъ смѣло можно ѣсть: она въ этомъ лучше другого знаетъ толкъ.

Приближалась зима, то есть время дождей, которые бываютъ въ тѣхъ мѣстахъ въ іюнѣ и іюлѣ. Селькиркъ рѣшилъ уступить своему товарищу свой гротъ, а себѣ построить другое жилище, попросторнѣе и поудобнѣе.

Недалеко отъ грота, на берегу ручья была группа зелени, надъ которой красиво поднимались пять высокихъ миртъ. Стволы этихъ деревъ были достаточно прочны, чтобы сдержать стѣны будущаго дома; четыре мирты стояли четыреугольникомъ, а пятая — почти въ срединѣ между ними: она очень хорошо могла служить для того, чтобы утвердить на ней крышу. Селькиркъ повыдергалъ и вырубилъ кустарники, очистилъ деревья отъ нижнихъ вѣтвей и весело принялся за работу. Недѣли въ двѣ успѣлъ онъ устроить прочный плетень, обмазалъ его глиной съ пескомъ, приладилъ крышу и былъ чрезвычайно доволенъ своей работой. Онъ уже началъ удивляться, какъ могъ такъ долго жить подъ сводомъ своего мрачнаго грота, какъ могъ быть доволенъ своимъ прежнимъ жилищемъ, которое годно развѣ только для обезьяны.

Внутренность его дома мало-по-малу становится похожею на жилое помѣщеніе: ружья, топоры, подзорная труба, ножъ, — все это вычищено и блеститъ, развѣшенное на стѣнѣ; другая стѣна украшена полнымъ собраніемъ его трубокъ, на средней миртѣ виситъ пороховой рогъ, мѣшокъ съ табакомъ и разныя другія вещи, которыя всегда должны быть подъ рукой. Свой котелъ,

козье мясо, запасныя кожи, тюленій жиръ, боченокъ съ порохомъ оставилъ онъ подъ надзоромъ Маримонды; тамъ будетъ у него магазинъ и кухня, да все же и отъ дождя тамъ безопаснѣе.

До сихъ поръ столъ у него былъ неподвижный, подъ мимозой; теперь онъ ужъ обдумываетъ, какъ бы устроить другой, поудобнѣе, въ своей хижинѣ. Тамъ же у него будутъ двѣ скамьи,—одна для него, другая для Маримонды, чтобы ей сидѣть, когда она придетъ навѣстить его по сосѣдству. Теперь ужъ у него есть и сосѣдство.

Начались первые, не очень сильные, благотворные дожди; земля пила ихъ съ любовью. Но Селькиркъ забылъ о столѣ и скамейкахъ: теперь его занимаетъ другая мысль.

Какъ-то Маримонда послѣ прогулки въ лѣсу принесла разныхъ плодовъ, изъ которыхъ многіе до тѣхъ поръ были ему вовсе незнакомы. Онъ попробовалъ ихъ съ особеннымъ вниманіемъ и призадумался.—Почему бы,—говорилъ онъ самъ себѣ,—не вырастить мнѣ этихъ плодовъ здѣсь подъ рукою, поближе къ дому? Почему бы мнѣ не попробовать улучшить ихъ, усовершенствовать обработкой? Это очень простая и очень умная мысль; странно, что она не пришла мнѣ

раньше въ голову. Но я былъ одинъ, совершенно одинъ, а тогда мало о себѣ думаешь, да просто и думать не умѣешь. Садъ и въ то же время огородъ будетъ мнѣ точно такъ же выгоденъ, какъ садокъ. Я разведу его около дома, и какъ тогда все будетъ мило у меня! Какъ нарочно здѣсь у меня и ручей для поливки. Послѣ, при Божіей помощи, я стану воспитывать маленькихъ козъ и козлятъ, которые вырастутъ у меня, станутъ мнѣ давать молоко, масло, сыръ! Какъ же я раньше объ этомъ не подумалъ? Непремѣнно будутъ у меня домашнія козы, разведу агути, морскихъ свинокъ, коати. Домъ мой увеличится, будетъ цѣлая ферма!.. Но теперь это еще рано, подумаемъ прежде о моемъ садѣ... Эта земля сдѣлается плодородною отъ моихъ трудовъ; я буду прогуливаться подъ тѣнью деревъ, насаженныхъ моими собственными руками; тогда я буду, кажется, гораздо больше дома, нежели теперь; тогда у меня будетъ что-нибудь свое, собственное.

Отъ первыхъ дождей земля стала довольно мягка, такъ что было легко ее копать.

И вотъ онъ работаетъ изо всѣхъ силъ, то топоромъ, то деревянной лопатой, вычищаетъ, роется, выравниваетъ, пересаживаетъ отпрыски

молодыхъ деревъ или отдаетъ землѣ сѣмена уже собранныхъ плодовъ, изъ которыхъ пойдутъ новыя растенія. Въ томъ климатѣ все растетъ необыкновенно быстро.

Когда садъ былъ ужъ разбитъ, дорожки проложены, земля взрыта, насажены разныя полезныя травы, особенно кока и петуніа-никотіана, Селькиркъ, сложа руки и облокотившись на лопату, отъ всей души благодарилъ Бога за то, что Онъ далъ ему силы кончить начатое дѣло.

Ни разу еще въ жизни не чувствовалъ онъ такого удовольствія, какъ въ то время, когда, заложа руки за спину и покуривая свою трубку, прохаживался по дорожкамъ, между черными грядами и клумбами, на которыхъ ничто еще не показывалось; но ему ужъ видѣлись или воображались кустарники, покрытые цвѣтами; около его цвѣтовъ видѣлись пчелы цѣлыми роями, и онъ ужъ обдумывалъ, какъ бы устроить нѣсколько ульевъ. Послѣ пчелъ представлялись уже и легонькіе рои колибри; отъ нихъ онъ не бралъ бы ничего, кромѣ удовольствія видѣть, какъ на листьяхъ его кустарниковъ, на шелковыхъ нитяхъ будутъ привѣшены маленькія гнѣздышки съ яичками меньше горошинки или съ птенцами

меньше мухи. Онъ не зналъ ничего лучше, ничего занимательнѣе своего будущаго сада.

Благодаря этому саду, Селькиркъ довольно терпѣливо сносилъ дождливую пору года. Когда отъ проливныхъ дождей не было нигдѣ прохода и нельзя было ни шага сдѣлать изъ дому, онъ утѣшался мыслью, что дожди помогаютъ прорастать его сѣменамъ, приниматься молодымъ пересаженнымъ отпрыскамъ. Между двумя ливнями, онъ едва только успѣвалъ выбраться изъ дому, чтобы застрѣлить себѣ какой-нибудь дичи. Да что за бѣда! У него были кое-какіе запасы; у него былъ хорошій домъ, общество и работа.

Тогда онъ принялся пополнять свою мебель, сдѣлалъ столъ, двѣ скамьи, починилъ кровать; потомъ занялся другимъ дѣломъ, не менѣе важнымъ.

Отъ времени, ходьбы и работы платье его износилось, а надо было защититься отъ сырости и отъ москитовъ, которые сильно расплодились съ тѣхъ поръ, какъ наступила дождливая пора. Онъ рѣшился сшить себѣ новое платье. Изъ гвоздя сдѣлалъ онъ себѣ удочку; отчего же не сдѣлать и иглы? Но изъ чего шить? Изъ тюленьей шкуры или изъ козьей? Онъ предпочелъ козью, потому что она гораздо мягче; и вотъ онъ рѣжетъ,

кроитъ, выдергиваетъ нитки изъ паруса, шьетъ— и черезъ недѣлю онъ одѣтъ уже совершенно заново.

Маримонда удивилась и обрадовалась, увидѣвъ своего хозяина въ новомъ, странномъ костюмѣ. Она находила, что человѣкъ сталъ очень похожъ на нее, одѣтый, какъ она же, шерстью вверхъ. Она смотритъ на него, разсматриваетъ, гладитъ его, вертится, прыгаетъ, скачетъ, совершенно въ восторгѣ, то катается у него подъ ногами, то взберется какъ можно выше по средней миртѣ, подъ самую крышу, и оттуда со страхомъ и безпокойствомъ смотритъ на человѣка. Уставъ, наконецъ, удивляться, она забилась въ уголъ, лицомъ къ стѣнѣ, и простояла такъ нѣсколько минутъ, какъ будто что-то обдумывала. Потомъ, надумавшись, она проворно обернулась и однимъ прыжкомъ вскочила Селькирку прямо на плечи.

Полюбовавшись на удивленіе и веселое расположеніе духа обезьяны, Селькиркъ взялъ свою Библію, трубку и, положа книгу на столъ, облокотился на него, располагаясь почитать и подумать. Но Маримонда была слишкомъ весела или, можетъ быть, она стала смѣлѣе съ тѣхъ поръ, какъ почувствовала какое-то родство съ человѣкомъ по костюму; только она схватила другую

трубку, важно взяла ее въ зубы, помѣстилась противъ своего господина и, склоня голову, также облокотилась на столъ; но ей опять удивительно было, что у нея не идетъ дымъ изо рта.

Дѣло пошло уже на забавы; Селькиркъ взялъ у нея трубку, набилъ ее табакомъ, зажегъ и отдалъ.

Едва только Маримонда втянула въ себя нѣсколько вреднаго табачнаго дыма, какъ бросила трубку, закашлялась, бѣдная, во все горло, оттолкнула отъ себя столъ, опрокинулась назадъ и, все кашляя, жалобно завыла.

Увидя первую отчаянную гримасу Маримонды, Селькиркъ расхохотался. Болтливое эхо повторило его хохотъ въ гротѣ, въ оазисѣ и даже на крайнихъ вершинахъ горъ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ вышелъ на островъ, это былъ его первый смѣхъ, да и тотъ нерадостный, невеселый; въ основаніи его было что-то злое.

А между тѣмъ готовилось ему новое несчастіе, новая война, въ которой ничего уже не могло сдѣлать его оружіе.

□□□

На другой день солнце только-что начинало ястават, и Селькиркъ еще спалъ, убаюканный

однообразнымъ стукомъ проливного дождя, какъ вдругъ почуствовалъ, что ногу его что-то щекочетъ. Ему показалось сначала, что это какая-нибудь ласка или шутка Маримонды; впросонкахъ, онъ открылъ глаза, взглянулъ, ничего не увидѣлъ ис нова улегся, чтобы еще поспать. Слышитъ опять щекотанье и уже не такое нѣжное, какъ прежде, и вдругъ что-то острое сильно укололо его въ пятку. Щекотанье обратилось просто въ укусъ.

На этотъ разъ онъ проснулся вполнѣ, вскочилъ... Вся хижина его была наполнена крысами!

Около него цѣлое стадо спокойно завтракаетъ его одѣялами; на столѣ, на скамейкахъ—цѣлыя стаи доѣдаютъ остатки вчерашняго ужина; другія что-то гложутъ около стѣнъ, около средней мирты; множество ихъ толпится у дверей, на полкахъ, вездѣ, гдѣ только можно, и всѣ онѣ кусаютъ, грызутъ, ѣдятъ все, что можно: его шляпу изъ тюленьей кожи, его мѣшокъ съ табакомъ, украшенія изъ древесной коры на его мебели, чубуки его трубокъ, Библію и даже его пороховой рожокъ, сдѣланный изъ козьяго рога.

Селькиркъ спрыгнулъ съ кровати и прямо тутъ же раздавилъ ногами пару крысъ. Остальъ-

Маримонда взяла трубку въ зубы...

ныя съ визгомъ кинулись бѣжать и прыгать одна за другой, одна черезъ другую, одна мимо другой въ двери.

Схвативъ лопату, онъ бросился за ними, билъ ихъ направо и налѣво, бранилъ и вдругъ увидѣлъ на вѣтви ближняго дерева Маримонду. Она съежилась, скорчилась, измокла, продрогла; видно было, что она не спала цѣлую ночь. Но отчего же? Не помнитъ ли она еще вчерашней шутки?

Завидя человѣка, Маримонда соскочила съ дерева и, печально ласкаясь къ нему, со страхомъ посматривала на гротъ. Онъ—туда.

Въ гротѣ все было въ страшномъ безпорядкѣ, вверхъ дномъ; крысы возились тамъ тысячами; его мѣха, его запасы дичи и плодовъ, его мѣшки съ тюленьимъ жиромъ, все было изгрызено, изорвано, поѣдено, залито водой. Расширяя свой гротъ, онъ сдѣлалъ его и выше. Сводъ сталъ тонокъ, потоки дождевой воды просочились сквозь него, продѣлали себѣ широкія отверстія и залили всѣ запасы. Къ довершенію несчастія, шкуры, въ которыя завернутъ его запасной порохъ, были проѣдены, порохъ размокъ, расплылся и плавалъ посреди маслянистой грязи.

У бѣднаго островитянина, на всю его жизнь, осталось нѣсколько пороха въ его козьемъ рогѣ

да два заряда въ ружьяхъ; а нужна будетъ провизія, надо ѣсть!

Теперь онъ раззорился въ конецъ, и все отъ дождя, который проникъ глубоко въ землю и выгналъ крысъ изъ ихъ норъ. Противъ такого множества непріятелей—что было дѣлать?

Многихъ успѣлъ онъ перебить лопатой, палкой, камнями, ногами, чѣмъ попало; Маримонда, въ подражаніе ему, неутомимо преслѣдовала общаго непріятеля; но не больше, какъ черезъ часъ, крысы опять толпились вокругъ нихъ еще ожесточеннѣе прежняго.

Тогда онъ понялъ, что не надо было убивать всѣхъ кошекъ на островѣ, что лишняго нѣтъ ничего въ природѣ. Но неужели онъ истребилъ всѣхъ ихъ до одной? Можетъ быть, въ дальнихъ краяхъ его острова, куда удалились тюлени, есть еще эти благодѣтельные звѣри, которыхъ онъ такъ неутомимо избивалъ?

Дожди прекратились; съ ними прошла удушливая жара, прошли и густые туманы, отъ которыхъ скучно становится и нападаетъ безотчетная грусть; солнце, хотя еще въ туманѣ, начинало высушивать остатки наводненія. Много опять сталъ бродить Селькиркъ, долго искалъ въ самой непроходимой чащѣ, въ самыхъ недоступ-

ныхъ ущельяхъ, нѣтъ ли гдѣ кошки? Все напрасно.

Вотъ, однажды идетъ онь вмѣстѣ съ Маримондой по лѣсу, мимо такого кустарника, сквозь который нѣтъ, кажется, ни малѣйшей возможности пробраться. Вдругъ слышитъ очаровательные, нѣжные звуки, какихъ, кажется, ни разу не слыхивалъ; онъ, въ восторгѣ, быстро остановился, потому что услышалъ нѣжное, тихое мяуканье.

Осторожно раздвигаетъ кусты, всматривается... Выскакиваетъ дикая кошка и мигомъ взбирается на ближнее дерево, красный кедръ. Съ большою любовью сталъ ее разсматривать Селькиркъ. Она была изъ крупной породы; полосатая шкурка ея блестѣла на солнцѣ; обернувъ къ нему свою бѣловато-желтую мордочку, съ большими черными усами, она со страхомъ, непріязненно смотрѣла на человѣка: должно быть, онъ былъ извѣстенъ на дѣломъ островѣ, какъ заклятый врагъ всѣхъ животныхъ.

Не думая долго, Селькиркъ бросилъ ружье, охватилъ дерево руками и ногами и полѣзъ. Скоро добрался онъ до первыхъ вѣтвей; Маримонда за нимъ и скоро перегнала его.

При видѣ двухъ косматыхъ непріятелей,

кошка забирается все выше и выше, обезьяна за нею, съ вѣтви на вѣтвь, до самой вершины. Кошка пятилась, пятилась и, наконецъ, жестоко царапнула Маримонду, которая тотчасъ и отказалась отъ опасной игры.

Селькиркъ однакоже не унывалъ; ему нужна эта кошка и непремѣнно живая; онъ сдѣлаетъ ее сторожемъ своей хижины, она будетъ защищать его отъ крысъ. Раза три онъ схватывалъ кошку, и всякій разъ, съ бѣшенствомъ отбиваясь, она царапала ему то руки, то лицо. На вершинѣ дерева происходила жестокая, кровавая борьба, съ фырканьемъ и мяуканьемъ. Наконецъ, Селькиркъ, въ жару борьбы, забылъ свою цѣль, и такъ сильно схватилъ кошку за шею, что едва не задушилъ. Затрудненіе теперь въ томъ, чтобы съ добычей спуститься съ дерева. Къ счастію, у него была охотничья сума. Одною рукою и локтемъ прижалъ онъ кошку къ вѣтви, другою только-что раскрылъ было суму, какъ вдругъ бѣдное, полузадавленное животное, собравъ послѣднія силы, рванулось и упало съ кедра. Кошка свалилась прямо къ ногамъ Маримонды, которая въ страшномъ испугѣ отскочила въ кусты и пропала.

Селькиркъ торопливо спустился на землю, но

непріятеля уже не было. Напрасно искалъ онъ его глазами въ кустахъ, онъ не видѣлъ ничего, ни даже Маримонды.

Дѣлать нечего, онъ пошелъ дальше. Черезъ полчаса, не доходя шаговъ двѣсти до Ложнаго-Коквимбо, онъ увидѣлъ тамъ свою обезьяну; она сидѣла на скалѣ и внимательно, съ своими смѣшными ужимками, смотрѣла внизъ.

Селькиркъ подошелъ, и что же? Въ довольно глубокой лощинкѣ, утомленная борьбой и бѣгствомъ, лежитъ кошка, выглаживая языкомъ шерсть на своемъ измятомъ боку, а возлѣ нея— шесть бойкихъ, маленькихъ котятъ возятся на пескѣ.

Снова заслышавъ человѣка такъ близко къ своимъ котятамъ, мать ощетинилась, фыркнула, и котята присмирѣли, поглядывая съ любопытствомъ другъ на друга.

Но человѣку теперь она уже не нужна была живая. Котятъ онъ забралъ, а мать зарѣзалъ.

Черезъ нѣсколько времени послѣ того, крысы не показывались больше на берегу; но не было уже никакой возможности поправить то зло, которое онѣ сдѣлали.

Запасы пищи были почти совершенно уничтожены, а тѣмъ порохомъ, который у него остался,

едва можно было настрѣлять дичи для новыхъ запасовъ. А послѣ какъ же быть?

Мало-по-малу пришло, наконецъ, время, когда у него остался одинъ зарядъ въ ружьѣ, да и тотъ былъ набранъ почти по зернышку. Какъ же онъ бережетъ теперь этотъ послѣдній зарядъ! Какъ онъ лишаетъ себя необходимаго козьяго мяса, чтобы только не остаться совершенно обезоруженнымъ; покамѣстъ у него есть еще въ запасѣ выстрѣлъ, онъ еще можетъ считать себя сильнымъ, вооруженнымъ. Да и кто знаетъ? Можетъ быть, его запасный зарядъ пригодится для того, чтобы спасти ему жизнь въ какую-нибудь страшную минуту?

Теперь не время ему думать объ охотѣ; пора покинуть жизнь дикаря-охотника и перейти къ жизни осѣдлой, первой ступени образованности, заняться земледѣліемъ, скотоводствомъ.

Въ его колоніи уже есть теперь пять новыхъ жильцовъ, котятъ; посѣвы его начинаютъ показываться изъ земли и много обѣщаютъ; пересаженные кусты укрѣпились корнями и принялись превосходно; уже новыя почки обѣщаютъ плоды, и онъ съ любовью разсматриваетъ ихъ. Теперь ему надо какъ-нибудь достать себѣ нѣсколько

молоденькихъ дикихъ козлятъ, родоначальниковъ его будущаго стада.

Но сколько же надо будетъ на это ловкости, терпѣнія, проворства и хитрости!

Охотясь въ послѣднее время, онъ загналъ всѣхъ козъ и козлятъ въ самыя гористыя части острова, на крутизны и обрывы. Какъ ихъ тамъ преслѣдовать? Коза перепрыгнетъ черезъ пропасть въ одно мгновеніе, а ему надо будетъ обходить ту же самую пропасть цѣлые полчаса.

Онъ надѣлалъ разныхъ ловушекъ, разложилъ въ разныхъ мѣстахъ петли; но животныя сдѣлались удивительно недовѣрчивы и осторожны. Долго ждалъ онъ и въ недѣлю успѣлъ поймать только одного коати и нѣсколько индѣйскихъ свинокъ. Конечно, и это дичь, и это ѣсть можно, но ему этого мало, ему хочется большаго, а козлята не попадаются въ его ловушки.

Тогда онъ вспомнилъ объ арканѣ, или ласо, которое употребляется въ нѣкоторыхъ частяхъ Америки. Ласо, это длинная веревка съ петлей, которая набрасывается на добычу.

Изъ волоконъ алоэ и изъ тонкихъ полосокъ кожи онъ устроилъ себѣ арканъ, саженей въ шесть или въ семь длиной, и началъ упражняться въ метаніи его; онъ набрасывалъ свое ласо то

на камень, то на вѣтку кустарника, потомъ онъ выбралъ цѣлью Маримонду; но она была такъ ловка и проворна, что ему большихъ трудовъ стоило поймать ее.

Въ промежуткахъ между упражненіями, онъ строилъ большую ограду. которая будетъ служить ему скотнымъ дворомъ. Въ одномъ углу ограды онъ выстроилъ на прочныхъ столбахъ навѣсъ, подъ которымъ стадо его будетъ прятаться отъ солнечнаго зноя. И навѣсъ этотъ, и ограда, и садъ, и хижина—теперь все это такъ мило, такъ уютно. Что ему за дѣло, что весь островъ принадлежитъ ему вполнѣ, нераздѣльно? Это ровно ничего! Это все равно, какъ еслибъ онъ имѣлъ позволеніе на всемъ островѣ охотиться и гулять, какъ всякое другое животное. А здѣсь онъ у себя, дома; здѣсь все, можно сказать, создано его руками и умомъ.

Когда козлята его вырастутъ и сдѣлаются козами, когда они привыкнутъ къ домашней жизни, будутъ узнавать его голосъ и слушаться его, тогда только онъ позволитъ имъ выйти за ограду, подъ надзоромъ самаго бдительнаго сторожа, Маримонды.

Мечты все это, и больше ничего! Да что же дѣлать, чѣмъ же развлекаться бѣдному пустыннику, какъ не мечтами?

Когда Селькиркъ полагалъ, что онъ уже довольно ловко владѣетъ арканомъ, то пошелъ въ горы, лежащія въ срединѣ острова. Много дней прошло въ безполезныхъ попыткахъ, и когда листики мимозы, съеживаясь, возвѣщали ему, что ночь недалеко, онъ возвращался домой мрачный, угрюмый, задумчивый, безъ всякой надежды.

Но именно посреди неудачъ онъ учился и дошелъ, наконецъ, до того, что пришелъ однажды вечеромъ домой съ двумя козлятами, у которыхъ только начали пробиваться рожки. Маримонда благосклонно приняла новыхъ гостей, и въ тотъ вечеръ въ колоніи было очень весело.

Недѣли еще не прошло, какъ у Селькирка стало козъ больше, нежели кошекъ; онъ съ наслажденіемъ любуется, какъ онѣ играютъ и прыгаютъ всѣ вмѣстѣ въ своей оградѣ; онъ опять сталъ совершенно спокоенъ духомъ.

— Да, — сказалъ онъ самому себѣ съ гордостью, — человѣкъ можетъ во многомъ пособить себѣ! Случилось со мною несчастіе: пропалъ весь порохъ; а теперь зачѣмъ мнѣ его? Этотъ Страддлингъ разсчитывалъ, что я долженъ буду умереть послѣ моего послѣдняго заряда; а теперь этотъ послѣдній зарядъ у меня еще въ ружьѣ. И зачѣмъ мнѣ его? Теперь я богаче прежняго,

потому что у меня больше средствъ къ жизни. И чего же мнѣ теперь недостаетъ? Общества какого-нибудь Страддлинга или его матросовъ? Но Маримонда любитъ меня больше, нежели сколько любили товарищи. Чего же мнѣ желать еще? Лишь бы далъ Богъ здоровья...

Черезъ мѣсяцъ послѣ того Селькиркъ, очень внимательно отмѣчавшій на поляхъ своей Библіи дни, мѣсяцы и числа, рѣшился праздновать новый годъ: наступило 1 января 1706 года.

Въ тотъ день онъ обѣдалъ не въ хижинѣ своей и не подъ мимозой, а посреди ограды, окруженный всѣми своими. Маримонда, по обыкновенію, обѣдала съ нимъ за однимъ столомъ, кошки почти также; козлята бродили около него, иногда поднимаясь на заднія ноги, чтобы взглянуть на столъ, въ корзины, наполненныя разными плодами, и потомъ, спустившись, пощипывали траву и играли между собой. Послѣ обѣда было большое веселье, остатки изо всѣхъ корзинъ были выброшены на землю, и тутъ конца не было прыжкамъ и скачкамъ, когда козлята принялись наперерывъ хватать, что кому попадалось.

Лежа на своей койкѣ и покуривая свой лучшій табакъ, Селькиркъ, съ самодовольной улыб-

кой, смотрѣлъ на игры своихъ домашнихъ; какъ хозяинъ у себя въ домѣ, почти съ чувствомъ отца семейства онъ любовался на котятъ, которые, спрятавъ когти, какъ будто царапались на Маримонду, которая заигрывала и съ козлятами, и съ кошками, прыгала вправо и влѣво, перескакивала черезъ огромныя пространства съ невообразимою ловкостью. Забравшись на самую вершину густого дерева, она свистомъ привлекала къ себѣ вниманіе своего хозяина и потомъ, свернувшись клубкомъ, скатывалась по листьямъ и вѣтвямъ, и за послѣднюю только вѣтку хваталась своимъ цѣпкимъ хвостомъ. Тамъ, раскачавшись хорошенько, она перелетала шаговъ за пятьдесятъ, на ліану, которая тутъ же служила ей качелью.

Селькиркъ былъ въ восторгѣ, любуясь на забавы своей семьи; кажется, никогда онъ не бывалъ такъ счастливъ. Но вдругъ лобъ его сильно нахмурился, потому что его взглядъ какъ-то случайно перенесся на море. Нѣсколько минутъ смотрѣлъ онъ въ ту же сторону съ безпокойствомъ и волненіемъ, потомъ радостно вскрикнулъ, бѣгомъ кинулся на берегъ и тамъ сталъ кричать изо всѣхъ силъ.

Онъ увидѣлъ парусъ въ голубой дали.

Но скоро онъ замѣтилъ, что до паруса—нѣ-

сколько десятковъ верстъ; тогда, схвативъ свою подзорную трубу, среди волнъ ищетъ онъ парусъ и находитъ его.

— Конечно, это лодка,—сказалъ онъ самъ себѣ,—лодка съ ближняго острова или съ материка, который недалеко... Нѣтъ, вотъ мачта, вотъ другая... И всѣ паруса такъ славно надулись подъ восточнымъ вѣтромъ... Это бригъ! да, это «Эспадонъ», можетъ быть.. Страддлингъ нарочно промедлилъ въ этихъ краяхъ, и мое изгнаніе должно кончиться. Онъ за мной теперь заѣдетъ... О добрый, благородный Страддлингъ!

Вотъ бригъ повернулъ какъ будто прямо къ острову, сдѣлалъ еще два поворота, такъ что Селькиркъ увидѣлъ, наконецъ, очень ясно испанскій флагъ.

— Непріятель!—вскричалъ онъ,—бѣда! Я пропалъ. Ежели онъ пристанетъ сюда, куда дѣваться? Куда бѣжать? Въ горы? Да, я сумѣю отъ нихъ спрятаться; но они разрушатъ мой домикъ, разорятъ мою ограду, мой садъ...

И, весь дрожа, какъ будто въ лихорадкѣ, онъ продолжалъ слѣдить за всѣми движеніями брига. Но корабль сдѣлалъ еще два, три поворота, какъ будто выбирая вѣтеръ, и быстро помчался вдаль, въ море.

У Селькирка руки опустились. «Что-жъ за бѣда,—подумалъ онъ,—что это испанцы? Развѣ теперь я могу быть имъ врагомъ?.. Я просто бѣдный, пропащій колонистъ... Они помогутъ мнѣ, спасутъ меня, какъ христіанина... Я, пожалуй, буду у нихъ матросомъ... Что-жъ, они уѣзжаютъ?»

Надо было, какъ можно скорѣе, развести большой огонь; но изъ чего? На одно мгновеніе, второпяхъ, мелькнула у него мысль повыдергать всю свою ограду, свалить ее къ своему домику и зажечь все вмѣстѣ: такъ хотѣлось ему избавиться отъ своего уединенія, несмотря на то, что за нѣсколько минутъ онъ старался увѣрить себя, что счастье для него возможно.

Скоро, однако-жъ, онъ вспомнилъ, что за его гротомъ, на первой ступени горы, росъ необыкновенно частый лѣсокъ; тамъ старыя высохшія деревья были тѣсно переплетены гибкими ліанами, а ближе къ землѣ кактусъ, алоэ и другіе кустарники дѣлали этотъ лѣсокъ совершенно непроходимымъ.

Тогда онъ перенесъ горящую головню отъ того костра, на которомъ готовилъ свой обѣдъ, набросалъ коры, сухихъ вѣтвей, листьевъ. Мало-по-малу огонь разбѣжался отъ головни во всѣ

стороны, и когда солнце закатилось, огромный, столбъ пламени освѣщалъ всю ту часть острова и блестѣлъ далеко на волнахъ.

Стоя на берегу, Селькиркъ цѣлую ночь не сводилъ глазъ съ волнъ и все прислушивался, нѣтъ ли какого-нибудь знакомаго звука со стороны моря, не слыхать ли голоса команды на кораблѣ, или стука веселъ въ уключинахъ приближавшейся лодки; но онъ ничего не видалъ на блестящихъ, сверкавшихъ волнахъ, а сквозь ихъ всплески онъ слышалъ только трескъ горѣвшихъ деревъ и скручивавшихся въ огнѣ ліанъ.

Поутру все исчезло. Пожаръ прекратился, а на гладкой поверхности моря ничего не было видно, кромѣ чаекъ.

Цѣлую недѣлю послѣ того Селькиркъ былъ мраченъ и задумчивъ; онъ рѣдко уходилъ отъ береговъ; смотрѣлъ иной разъ на игры кошекъ и козлятъ, но онѣ не радовали его больше. Чтобы развлечь его, Маримонда дѣлала самые необыкновенные прыжки, самыя уморительныя гримасы; но онъ угрюмо смотрѣлъ на ея забавное усердіе.

Однако не всегда можно тосковать такимъ образомъ безнаказанно: запасъ козьяго мяса у него почти совсѣмъ истощился; пробовалъ онъ

опять ѣсть устрицъ и рыбу; но и то, и другое мало подкрѣпляло его силы; морскіе раки очень надоѣли: ему нужна была другая пища. Сдѣлавъ большое усиліе, онъ взялъ свой арканъ и пустился въ горы, уже не за козлятами, а прямо за козами.

Маримонда пошла было за нимъ. Но человѣкъ былъ не въ духѣ, ему хотѣлось быть одному, и потому онъ сдѣлалъ обезьянѣ знакъ, чтобы она осталась дома; но на этотъ разъ она вовсе не расположена была слушаться. Она пошла за нимъ, останавливалась, когда онъ оглядывался, опять за нимъ слѣдовала и не отстала до тѣхъ поръ, пока человѣкъ не прикрикнулъ на нее; тогда она остановилась, сѣла и долго печально слѣдила за нимъ глазами, какъ будто чуяла какое-то горе, несчастіе.

Вечеромъ Селькиркъ не пришелъ домой. Маримонда всю ночь прождала его, печально завывая, какъ тоскующая собаченка.

Наступило утро, прошелъ еще день, потомъ прошла ночь, а домикъ все пустъ, и Маримонда понапрасну обшарила всѣ окрестные холмы, взбиралась на всѣ ближнія деревья, отыскивая слѣды своего хозяина.

□□□

Въ тѣхъ мѣстахъ, которыя Селькиркъ прозвалъ именемъ Страддлинга, онъ, преслѣдуя козъ, какъ-то оступился и упалъ съ крутого обрыва.

Счастье еще, что обрывъ былъ не очень глубокъ и Селькиркъ ушибся не до смерти, хотя и очень больно. Нѣсколько часовъ онъ пролежалъ въ обморокѣ; когда опомнился, то почувствовалъ, что лѣвая нога у него совершенно онѣмѣла, что у правой руки съ большимъ трудомъ сгибаются пальцы и что на всемъ тѣлѣ во многихъ мѣстахъ ссажена кожа; онъ лежалъ на небольшомъ уступѣ, на краю другого обрыва, который былъ гораздо глубже перваго.

Попробовалъ онъ встать, но голова у него закружилась, какъ будто послѣ продолжительной болѣзни, и онъ долженъ былъ, какъ можно скорѣе, лечь, чтобы опять не свалиться. Нѣсколько разъ пытался онъ еще вставать, и столько же разъ прежняя слабость заставляла его ложиться.

Такъ прошелъ почти цѣлый день.

Къ вечеру онъ былъ гораздо бодрѣе; привставъ онъ старался какъ-нибудь ухватиться за корни, которые высовывались изъ земли, и нѣсколько поднимался; но корни оставались у него въ рукѣ, и онъ снова падалъ. А между тѣмъ, при каждомъ усиліи, боль въ рукѣ и въ ногѣ

становилась сильнѣе. Долго еще старался онъ какъ-нибудь вылѣзть, но, наконецъ, выбившись изъ силъ, Селькиркъ или заснулъ, или снова потерялъ сознаніе, только проснулся опять уже на слѣдующее утро.

Бѣднякъ ослабѣлъ и отъ ушиба, и отъ того, что цѣлыя сутки ничего не ѣлъ. Ужъ и на островѣ-то онъ былъ одинъ-одинехонекъ; нѣтъ, злой судьбѣ его мало этого! Ему суждена теперь голодная смерть на узкомъ клочкѣ земли! Теперь онъ уже едва можетъ привстать и, все больше и больше изнемогая, падаетъ...

Прошли три мучительные дня; истощенный страданіями и безплодными попытками, жаждой и голодомъ, Селькиркъ лежалъ уже неподвижно. Отъ времени до времени онъ передвигалъ то ногу, то руку, чтобы поспокойнѣе улечься, то здоровой рукой поправлялъ подъ собою сухую траву, песокъ, или отодвигалъ безпокоившіе его камни.

Быстро пробѣжалъ онъ мыслью всю свою жизнь и, съ совершенною покорностью волѣ Провидѣнія, старался думать только о будущей, вѣчной жизни. Но отъ времени до времени мелькали у него въ памяти то Дунбаръ, то живописныя горы его родины, то университетскія лекціи, ко-

торыя онъ слушалъ съ такою любовью къ наукѣ, къ знанію, то отеческій домъ, гдѣ онъ провелъ лучшіе дни своей жизни, то мать, которая такъ плакала, разставаясь съ нимъ въ послѣдній разъ...

Скоро, однакожъ, онъ прогонялъ отъ себя эти сладостныя картины и съ новою готовностью мысленно поручалъ себя Тому, Кого никто постичь не могъ. Но отъ благоговѣйныхъ размышленій все отрывали его какіе-нибудь звуки, прилетавшіе съ вершины обрыва. Сначала весело и радостно запѣла птичка. На этотъ дребезжавшій голосокъ вдали отвѣчалъ другой, жалобный голосокъ. Вдругъ что-то пронеслось надъ пустынникомъ: это птичка пролетѣла къ своей подругѣ.

«Счастливыя птички!» — подумалъ Сельркиркъ,—«а я-то, бѣдный!..»

И опять ему стало жаль разстаться съ жизнью, и опять сердце его болѣзненно заныло, и самыя лучшія, самыя свѣтлыя воспоминанія стали тѣсниться въ его душу. Но онъ погрузилъ эти воспоминанія въ горячую, предсмертную молитву.

Но вотъ онъ слышитъ тихое блеяніе: дикая коза, остановясь на самомъ краю обрыва, со страхомъ и безпокойствомъ глядѣла на него. Потомъ она, какъ будто ничего не боясь и привыкнувъ къ виду безоружнаго человѣка, равнодушно

стала щипать травку, которая росла на самомъ краю скалы.

Селькиркъ невольно протянулъ руку къ аркану, лежавшему около него тутъ же на травѣ.

«Если бы я могъ поймать ее,—подумалъ онъ,—и какъ-нибудь стащить сюда, я напился бы ея крови, поѣлъ бы ея мяса, и тогда быть можетъ...»

Но разбитая рука не слушалась его, а коза, примѣтивъ движеніе человѣка, въ одно мгновеніе пропала. Глаза Селькирка закрылись, болѣзненно опустилась его рука, и только тяжелый вздохъ выразилъ глубокое отчаяніе.

Наступила ночь и съ нею страшный ураганъ. При свѣтѣ молніи замѣтилъ онъ, что дерево, стоявшее недалеко отъ обрыва, наклоняется къ нему отъ ужасной силы вѣтра, трещитъ и, кажется, сейчасъ на него рухнетъ.

— Провидѣніе сжалилось надо мною,—прошепталъ про себя Селькиркъ:—пускай это дерево опрокинется сюда; ежели вѣтви его меня не задавятъ, онѣ послужатъ мнѣ лѣстницей, и я спасенъ!..

Но дерево устояло противъ бури, и послѣдняя надежда разлетѣлась.

Къ утру четвертаго дня, лихорадка у него

прекратилась; онъ уже не чувствовалъ мученій жажды и голода; онъ совершенно обезсилѣлъ, сдѣлался гораздо спокойнѣе прежняго, и его сталъ одолѣвать тяжелый сонъ; онъ думалъ, что вмѣстѣ со сномъ придетъ и смерть.

Вотъ, во снѣ, отъ слабости мозга, должно быть, ему послышалось вдали жалобное завыванье, то въ одномъ мѣстѣ, то какъ будто въ другомъ, то дальше, то ближе. Онъ проснулся; прислушался: надъ нимъ что-то зашелестѣло въ кустарникахъ; земля тоже отдаетъ глухой стукъ, будто отъ скачковъ козы; завыванье становится чаще и чаще, и все яснѣе; и кажется порой, какъ будто дитя плачетъ. Селькиркъ что-то смутно вспомнилъ; онъ начинаетъ узнавать эти жалобы... Привставъ немного и собравъ послѣднія силы, онъ вскрикнулъ: — Маримонда!—и опять голова его упала на камни.

На голосъ хозяина въ одинъ мигъ явилась Маримонда, и стоны ея обратились въ крики радости. Нѣсколько мгновеній попрыгала она на краю обрыва и начала спускаться такъ проворно, какъ по давно знакомой дорогѣ, хватаясь за вѣтви, за корни...

Тамъ она кинулась прямо къ лицу Селькирка, стала ему лизать щеки, лобъ, глаза, потомъ стала

Маримонда спустилась прямо къ лицу Селькирка...

скакать, ластиться, кричать, свистать, хлопать глазами, кувыркаться черезъ него, обнимать его, стараясь чѣмъ-нибудь замѣнить даръ слова. Добрая Маримонда! шерсть на ней была мокра, всклокочена, руки въ крови, вѣки распухли и покраснѣли. Видно, что она давно пустилась отыскивать своего товарища, что она тоже страдала.

По страшной блѣдности Селькирка, по его почти погасшему взору она скоро угадала, чего ему недостаетъ. Быстро, какъ птица, взбиралась она нѣсколько разъ по обрыву и возвращалась, принося то плодовъ какихъ-нибудь, то тростника, наполненнаго вкусной, освѣжающей влагой. Это было обыкновенное время ихъ завтрака, и опять они завтракали вмѣстѣ.

У Селькирка не осталось и слѣда мысли о смерти съ той минуты, какъ онъ увидѣлъ своего товарища и, особенно, когда досыта наѣлся. Теперь Маримонда поможетъ ему выбраться на вершину обрыва; ей это ничего не стоитъ, она сама такъ ловко лазитъ. Онъ уже подумалъ о своемъ арканѣ, но рѣшилъ отложить свою попытку до слѣдующаго дня, когда силы хорошенько укрѣпятся; къ тому же въ провизіи недостатка не будетъ: Маримонда такъ усердно приноситъ разныхъ плодовъ.

На другой день онъ далъ обезьянѣ въ руки одинъ конецъ аркана. Надо было, чтобы она привязала его къ дереву, къ какой-нибудь прочной вѣтви; но какъ это объяснить ей? Столько соображенія, ума нельзя ожидать отъ четырерукаго животнаго. Впрочемъ, можетъ быть, какъ-нибудь уладится дѣло.

По приказанію господина, Маримонда съ концомъ веревки стала взбираться на скалу, но только что понадобилась ей та рука, въ которой былъ арканъ, она бросила его и полѣзла дальше. Нѣсколько разъ Селькиркъ пробовалъ то же самое, но все неудачно, все кончалось тѣмъ, что веревка падала къ нему назадъ.

Наконецъ, онъ рѣшился на послѣднее средство: обвязать веревку поясомъ около тѣла Маримонды и погнать ее наверхъ; тамъ, кружась и бѣгая, она обовьетъ какъ-нибудь арканъ вокругъ дерева или кустовъ, и онъ спасенъ.

Она вспрыгнула, таща за собою веревку, взобралась наверхъ и остановилась, не понимая, чѣмъ кончится такая странная игра; моргая глазами, съ недоумѣніемъ смотрѣла оттуда на человѣка.

Но ему уже надоѣло сидѣть въ ямѣ; онъ сердито прикрикнулъ на обезьяну и махнулъ рукой. Маримонда побѣжала.

Съ безпокойствомъ слѣдилъ онъ за движеніемъ веревки; попробовалъ натянуть ее къ себѣ, потомъ еще, покрѣпче, и Маримонда, хлопая глазами, явилась на обрывѣ. Человѣкъ кричалъ на нее, бранился, она опять уходила и опять, когда онъ дернетъ, являлась надъ нимъ. Наконецъ, ей показалось, что она поняла игру; тогда она, спрятавшись за скалой, выглядывала оттуда внизъ съ смѣшными ужимками. Селькиркъ вышелъ изъ терпѣнія и бросилъ въ нее маленькимъ камешкомъ; Маримонда подняла сухую вѣтвь и бросила въ него.

Тогда онъ бросилъ довольно большой камень и попалъ въ нее; обезьяна побѣжала, и веревка начала вытягиваться. Человѣкъ бросилъ ей вслѣдъ еще нѣсколько камней.

Вотъ веревка начала натягиваться крѣпче и крѣпче; вѣрно, замоталась около дерева!.. Въ ушахъ у него зашумѣло: кровь бросилась въ голову и забилась въ вискахъ; онъ весь въ лихорадкѣ, но ужъ силенъ, едва ли теперь не сильнѣе прежняго. Повиснувъ на арканѣ, онъ ногами, колѣнками упирается о скалу, лѣзетъ выше, выше... вотъ ужъ и вершина...

Ухватясь за верхній камень, онъ сдѣлалъ послѣднее усиліе, онъ спасенъ!

А между тѣмъ какъ онъ такъ влѣзалъ, бился, думая, заботясь только о самомъ себѣ, онъ не слыхалъ надъ собою глухихъ, болѣзненныхъ стоновъ.

Таская за собою веревку, чтобъ укрыться отъ камней, Маримонда начала было взбираться на дерево, запутала арканъ около одной вѣтви; но потомъ, когда Селькиркъ натянулъ его своею тяжестью, веревка прижала бѣдную обезьяну къ дереву, такъ что она едва могла стонать отъ страшной боли.

Селькиркъ увидѣлъ, что Маримонда, прижатая петлей къ миртѣ, едва дышитъ, что на губахъ у нея кровь и пѣна, а глаза навыкатѣ.

Только что онъ бросилъ свой конецъ аркана, Маримонда, какъ снопъ, повалилась на землю и тихо завыла.

Въ страшной досадѣ на себя, Селькиркъ припалъ къ ней, распуталъ ее, потомъ взялъ на руки и понесъ домой. Долго ему, усталому, истощенному, надобно было идти съ такой ношей; нѣсколько разъ онъ останавливался, чтобы перевести духъ, и, наконецъ, кое-какъ добрелъ.

Дома все у него было пусто, все вверхъ дномъ.

Не получая своего обычнаго корма, козлята

пробрались какъ-то сквозь ограду, въ садъ; тамъ они поѣли всѣ плоды, испортили весь садъ, обгрызли даже кору молодыхъ деревъ и ушли въ горы. Кошки, также не имѣя корма, ушли, какъ и козлята; ночной ураганъ разрушилъ остальное.

Селькиркъ остолбенѣлъ: передъ нимъ лежали плачевной развалиной ограда, остатки сада и огорода, навѣсъ для козлятъ и почти вся его избушка, отъ которой осталась только одна стѣна и часть крыши.

Но что ему за дѣло до этого новаго несчастія?.. Устроивъ свою постель, онъ приготовляетъ для Маримонды другую, тоже изъ козьихъ шкуръ; онъ смотритъ за больной, ходитъ за нею и разстается съ нею только для того, чтобы пойти въ лѣсъ, въ горы, поискать той травы, которая должна ее вылечить; онъ приноситъ ей всякихъ травъ цѣлыми охапками; пускай выбираетъ она сама: по своему чутью, она лучше его знаетъ!

Она отворачивается и отталкиваетъ все, что онъ ей ни подаетъ; тогда онъ думаетъ, что не открылъ еще того растенія, которое было нужно, и хотя самъ боленъ и слабъ, однако ходитъ все дальше и дальше, чтобы перерыть цѣлый островъ и помочь, во что бы то ни стало, бѣдной Ма-

римондѣ. Съ каждаго дерева срываетъ онъ по вѣткѣ, со всякаго куста; съ каждой скалы, изъ каждаго ручья беретъ онъ по растенію, по плоду, по нѣскольку листьевъ, по корню. При видѣ всѣхъ этихъ безполезныхъ лекарствъ, Маримонда отворачивается, закрывая глаза; а ежели и откроетъ, то взглянетъ только на своего друга съ выраженіемъ благодарности и опять отвернется. На одно только она согласна: пить воду, которую подноситъ ей Селькиркъ въ скорлупѣ кокосоваго орѣха.

Почти цѣлую недѣлю Селькиркъ не переставалъ о ней заботиться. Но заботы напрасны! Маримонда уже не выздоровѣетъ: арканъ что-то сильно повредилъ у нея въ груди, и порой, горломъ у нея идетъ кровь и выступаетъ сквозь ея бѣлыя, стиснутыя отъ боли губы.

«Неужели она раздѣляла со мной несчастную жизнь для того, чтобы отъ меня же и погибнуть? На ея первую ласку я отвѣтилъ толчкомъ; первый мой выстрѣлъ на этомъ островѣ былъ направленъ противъ нея! Долго я преслѣдовалъ своею глупою ненавистью это существо, которое одно въ цѣломъ свѣтѣ любило меня и которое должно теперь умереть, потому что спасло меня отъ голодной смерти въ ямѣ... И изъ

этой ямы я, несчастный, еще бросалъ въ нее камнями!.. Маримонда мой другъ, мой лучшій другъ!..»

И онъ съ глубокою печалью, съ глухимъ отчаяніемъ смотрѣлъ на ея закрытые глаза, на ея лицо, которое порой подергивалось судорогой.

День ото дня больная ослабѣвала; глаза ея принимали мутный оловянный отблескъ; она страшно худѣла, и шерсть ея начинала отставать отъ кожи.

Однажды вечеромъ Селькиркъ большимъ одѣяломъ изъ шкуръ завернулъ Маримонду, которую трясла жестокая лихорадка, а самъ, усталый, измученный до крайности, хотѣлъ только отойти къ своей постели но она удержала его и, схвативъ его руку обѣими руками, взглянула на него такъ кротко и нѣжно, какъ будто на прощанье.

Онъ сѣлъ возлѣ нея на землю.

Тогда она, не оставляя его руки, положила къ нему голову на колѣни, да такъ и заснула. Селькиркъ не смѣлъ тронуться съ мѣста, не смѣлъ шевельнуться, чтобы не потревожить ея. Черезъ нѣсколько времени онъ самъ уснулъ.

На другой день онъ проснулся, когда восходящее солнце уже освѣщало внутренность из-

бушки; Маримонда лежала въ прежнемъ положеніи; но руки ея были холодны, а около пѣны на губахъ, около глазъ и ушей суетились цѣлые рои мухъ.

Это былъ трупъ.

Селькиркъ вскрикнулъ и отскочилъ.

Не разъ онъ сухими глазами смотрѣлъ, какъ въ бѣшеной волнѣ погибаетъ человѣкъ, какъ люди, товарищи и въ путешествіи, и на войнѣ гибнутъ подъ непріятельскими выстрѣлами; а тутъ онъ неподвижно, долго смотритъ, смотритъ на тѣло своего товарища, своего друга, а слезы такъ и капаютъ ему на грудь.

О чемъ ты такъ плачешь, бѣдный Селькиркъ?...

Обезьяна околѣла.

□□□

Запасы у Селькирка совсѣмъ истощились, но онъ не думаетъ ихъ возобновлять; его домъ и все его хозяйство разстроено и уничтожено, но онъ и не думаетъ ничего поправлять; его садикъ занесло пескомъ, но онъ не расчищаетъ его. Онъ обезсилѣлъ умомъ, ему страшно приняться за такую большую работу. Попрежнему, безъ цѣли и безъ мыслей, бродилъ онъ по острову; то заглянетъ въ какую-нибудь нору, то подниметъ ка-

мень и стукаетъ имъ со всего размаха о другой, то столкнетъ со скалы камень ногой и, ни о чемъ не думая, смотритъ, какъ онъ прыгая катится дальше и дальше.

Однажды бродилъ онъ такимъ образомъ и нечаянно зашелъ на мѣсто, гдѣ онъ сжегъ рощу. Вокругъ него все было черно, мрачно, пустынно. Толкнулъ онъ ногою одну головню, потомъ другую и вдругъ замѣтилъ подъ золой остатки стѣны, построенной изъ камней, довольно правильно обсѣченныхъ: сейчасъ видно, что тутъ работала рука человѣка и не дикаря.

Что же сдѣлалось съ тѣми людьми, которые тутъ жили? Куда они дѣвались? Этихъ дикихъ козъ и дикихъ кошекъ, которыхъ такъ много развелось теперь на островѣ, вѣрно еще домашними оставили здѣсь когда-то европейцы; сожженный лѣсъ въ старину вѣрно былъ садомъ около ихъ жилища.... Кто были эти люди? Они жили съ нимъ одинаковою жизнью, они смотрѣли на тѣ же самыя горы; они были его соотечественниками. Ихъ вѣрно было много, не такъ, какъ онъ: жить одному несносно, невозможно!... Переработывать и перемалывать у себя въ головѣ только свою собственную мысль, прислушиваться, не услышишь ли человѣческаго голоса среди

шума волнъ, голосовъ птицъ и блеянія козъ, и безпрестанно обманываться!

Онъ думалъ прежде, что ему какъ-нибудь можно будетъ хорошенько, поспокойнѣе устроиться, чтобы не нуждаться ни въ чемъ и жить мирно. Но, при спокойной и безпечной жизни, мысль о томъ, что онъ одинъ, еще больше тяготила его!

Что ему теперь за дѣло до чудныхъ картинъ природы, которыя окружаютъ его со всѣхъ сторонъ? Безконечное, необозримое пространство неба и моря безпрестанно напоминало ему и ужъ наскучило напоминаніемъ, что онъ одинъ, одинъ, одинъ, забытъ, пропалъ на незамѣтной точкѣ земного шара! Солнце восходитъ, солнце заходитъ—великолѣпно, растительность кругомъ чрезвычайно богатая, виды на островѣ живописные; но съ нѣкоторыхъ поръ все это нестерпимо тяжело, несносно, наводитъ грусть. Можетъ быть, оно было бы и не такъ, если-бы онъ могъ съ кѣмъ-нибудь подѣлиться восторгомъ, наслажденіемъ. Не надо ему шумной городской жизни, лишь былъ бы хоть одинъ товарищъ, который отвѣчалъ бы на его голосъ, дѣлилъ бы съ нимъ радость и горе... Была, правда, Маримонда, она могла иногда развлекать его; да этого мало: она жила съ нимъ только внѣшнею жизнью, а душа-то

была все же не занята. Обезьяна не могла принимать участія въ его духовной жизни, и хотя была привязана къ своему хозяину, хотя у нея было превосходное чутье, а все же ей далеко до человѣка.

Селькиркъ преувеличивалъ ея способности, онъ самого себя обманывалъ, потому что ему надо было имѣть возлѣ себя существо мыслящее; но съ нею нельзя было дѣлиться предположеніями, надеждами, нельзя было сообщать ей мысли. Ея глаза даже смотрѣли не такъ, какъ его глаза: она не могла чувствовать удивленія. Эта великая неоцѣнимая способность есть только у человѣка, и эта-то способность заглохнетъ отъ одиночества!..

И сколько другихъ способностей пропадаетъ!..

Даже самолюбіе заснетъ мало-по-малу; въ старину, при товарищахъ въ университетѣ или во флотѣ, когда онъ, бывало, отличался какими-нибудь успѣхами, ловкостью или храбростью, чувство торжества пріятно щекотало ему сердце.

А съ тѣхъ поръ, какъ онъ на островѣ, храбрость его и ловкость безпрестанно, на каждомъ шагу, должны были выказываться, но только по необходимости, по неволѣ, безъ всякаго удовольствія, потому что нельзя вскрикнуть отъ торже-

ства, когда знаешь, что никто на этотъ кликъ не отзовется.

Мысленно, съ самымъ тягостнымъ сознаніемъ, пробѣжалъ онъ все, что потерялъ въ изгнаніи, и ему стало жаль самого себя.

— Жить одному! — вскричалъ онъ: — какая мука! Жить безъ всякой пользы для другихъ, какой стыдъ! Никому я не нуженъ; великодушіе, самоотверженіе, даже состраданіе теперь для меня невозможны... Да это смерть, преждевременная, позорная смерть!.. Ахъ, почему я не остался на томъ обрывѣ! Все было бы уже кончено!..

Повѣсивъ голову, какъ-будто подъ гнетомъ своего уныніе, онъ простоялъ неподвижно нѣсколько времени; потомъ его лобъ вдругъ нахмурился: зловѣщая, ужасная мысль мелькнула у него въ умѣ; онъ прибѣжалъ въ свою избушку и схватилъ ружье... Этотъ послѣдній зарядъ, который онъ хранилъ такъ старательно, окажетъ ему теперь величайшую услугу, избавитъ его отъ жизни и одиночества... Онъ осмотрѣлъ затравку, провелъ ногтемъ по кремню; но покамѣстъ приготовлялся такимъ образомъ, рѣшимость его ослабѣла, онъ приставилъ дуло къ своему виску и весь задрожалъ: въ немъ проснулось то чув-

ство самосохраненія, которое такъ глубоко въ природѣ человѣка и всякаго животнаго... Нѣсколько времени онъ колебался, три раза, съ прежнею рѣшимостью, наклонялъ онъ голову къ ружью и три раза приподнималъ ее снова. Наконецъ, чтобы избавиться отъ этого демона самоубійства, который его мучилъ, онъ отвернулся и выстрѣлилъ на воздухъ.

Въ то же время какъ будто камень у него съ плечъ свалился; онъ бросился къ Библіи, развернулъ ея намокшіе и ссохнувшіеся листы и съ жадностью сталъ читать священную книгу.

Мало-по-малу успокоенный отъ изнурявшихъ его волненій, онъ сладко заснулъ; но и во снѣ еще ему нѣсколько разъ видѣлся страшный призракъ смерти и мгновенно прогонялъ сонъ.

Проснувшись однажды и взглянувъ на море, онъ увидѣлъ, что по волнамъ бурливаго пролива скользитъ и плыветъ прямо къ берегу какая-то узкая, длинная полоса. По формѣ, по мѣдному отблеску, по множеству колецъ, которыя свивались и развивались вдали, онъ узналъ *большую морскую змѣю*, о которой часто со страхомъ толковали матросы.

Въ уединеніи безпрестанно что-нибудь мерещится пустыннику.

Въ смертельномъ ужасѣ онъ побѣжалъ и спрятался въ пещерахъ своихъ горъ; онъ испугался воображаемаго чудовища, онъ струсилъ; да и не для чего храбриться: никто не смотритъ.

На другой день, вмѣсто морской змѣи, онъ нашелъ на берегу морскую траву, водоросль, необычайной длины. Цѣлыя стада коати, мышей, агути, цѣлыя стаи птицъ рвали, щипали и клевали растеніе, выброшенное на берегъ приливомъ; изъ оторванныхъ кусковъ этой огромной травы сочился густой коричневый сокъ, съ очень пріятнымъ, смолистымъ запахомъ.

По примѣру мышей, Селькиркъ попробовалъ растеніе и нашелъ, что оно сладковато и необыкновенно вкусно.

Водоросль, длиной въ нѣсколько десятковъ саженей и въ руку толщиной, попадается довольно часто въ Великомъ океанѣ, и на берегахъ Чили употребляется бѣдными людьми въ пищу.

Селькиркъ припряталъ водоросль, разрѣзавъ ее на части, и опять такимъ образомъ надолго запасся пищей.

Но каково же было его удивленіе, когда, разрѣзывая траву, онъ нашелъ въ ея змѣистыхъ изгибахъ крѣпко охваченную ими бутылку. Она была плотно закупорена и засмолена; въ ней

былъ кусочекъ пергамента, исписанный испанскими словами.

Селькиркъ плохо зналъ испанскій языкъ; многія слова на пергаментѣ едва можно было прочитать; однако, при помощи большого вниманія и терпѣнія, онъ понялъ вотъ что:

«Я Хаунъ Гонгва... (конца слова нельзя было разобрать) едва спасся отъ смерти, послѣ крушенія корабля *Фернандъ Кортецъ*. Двое сыновей моихъ... и все... погибло; меня волны выбросили на островъ Санъ-Амброзіо, неподалеку отъ береговъ Чили. Я одинъ, въ отчаяніи и едва могу существовать... Богъ и люди... сжалиться».

Остальныхъ словъ внизу невозможно было разобрать, подъ густымъ слоемъ плѣсени.

□□□

Въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ Селькиркъ на островѣ, у него пробудилось глубокое, истинно человѣческое сочувствіе: на томъ же самомъ океанѣ, гдѣ онъ самъ, въ тѣхъ же краяхъ, есть другой такой же несчастный, точно также лишенный общества людей, точно также страдающій!

Въ то же время Селькиркъ вспомнилъ о той скалѣ, о томъ островѣ, который онъ видѣлъ

вдали, съ оазиса, въ тотъ день, когда помирился съ Маримондой.

Это вѣрно островъ Санъ-Амброзіо; тамъ живетъ, тамъ страдаетъ его новый другъ, который еще несчастнѣе его самого! Бѣдный отецъ: онъ потерялъ двухъ сыновей, все свое имущество и надежду когда-нибудь снова увидѣть свою родину!

Теперь этотъ другъ требуетъ его помощи, и Селькиркъ рѣшится на все, чтобы только не обмануть его ожиданій. Душа Селькирка будто зажила новою жизнью, когда попала въ нее искра новой, чужой жизни, и съ необыкновенною дѣятельностью онъ принялся за выполненіе своего предпріятія. Дѣлать лодку, это слишкомъ долго, хотя и можно было бы, потому что на островѣ были очень большія деревья изъ породы миртъ. Гораздо вѣрнѣе и прочнѣе — хорошій, большой плотъ.

Онъ срубилъ нѣсколько молодыхъ деревьевъ, обрѣзалъ съ нихъ вѣтви и докатилъ до песчанаго берега, который во время прилива покрывается водою. Тамъ онъ связалъ эти бревна, какъ можно прочнѣе, волокнами алоэ, ремнями, потомъ выбралъ такое дерево, у котораго корни расползались во всѣ стороны по поверхности земли, какъ

это бываетъ у многихъ деревъ въ тѣхъ краяхъ. Это будетъ у него мачта. Обрѣзавъ вѣтви, онъ съ необыкновенными усиліями поставилъ дерево на корни, посреди плота, и снова все перевязалъ и перепуталъ. У него остался еще порядочный кусокъ паруса, а взамѣнъ пригодится еще койка изъ тюленьей шкуры.

Потомъ онъ сдѣлалъ себѣ руль и два весла, чтобы всячески бороться съ неудачей, если она будетъ. Наконецъ, все желѣзо, какое только у него было, всѣ гвозди употребилъ на то, чтобы еще скрѣпить и сколотить свой плотъ, и сталъ терпѣливо ждать особенно большого прилива.

За этой трудной, продолжительной работой, онъ былъ чрезвычайно спокоенъ духомъ и счастливъ. Когда онъ уже очень уставалъ, то уходилъ въ оазисъ къ могилѣ Маримонды, съ которой ему скоро надо было разстаться. Тамъ онъ въ подзорную трубу снова отыскивалъ далекую скалу, долго смотрѣлъ на нее, смотрѣлъ и, забывшись, говорилъ иной разъ:

— Подожди, бѣдный другъ мой, потерпи! Скоро, скоро я буду съ тобою раздѣлять твое бѣдственное уединеніе!..

□□□

Теперь Селькиркъ находитъ уже наслажденіе сочувствовать чужимъ несчастіямъ; онъ уже не думаетъ только о томъ, какъ бы ему было хорошо: онъ больше всего думаетъ о своемъ другѣ.

Но вотъ сильный приливъ забѣгаетъ уже на песчаную отмель, и волны начинаютъ поднимать углы тяжелаго плота.

Селькиркъ проворно переноситъ на него свой топоръ, ружья, козьи и тюленьи шкуры, Библію, трубки, скамейку, все свое богатство.

Вступая во владѣніе островомъ, онъ вырѣзалъ на корѣ многихъ деревъ число и мѣсяцъ своего прибытія; но какого числа уѣзжалъ—онъ никакъ не могъ бы опредѣлить, потому что давно пересталъ считать время.

Когда волны совершенно подняли плотъ, онъ схватилъ одно изъ своихъ веселъ и, съ большими усиліями отпихиваясь, сдвинулся, наконецъ, на глубокое мѣсто. Тамъ, поднявъ парусъ и ухватившись за руль, онъ гордо обернулся къ своему острову, и какъ-то жаль ему стало—не уединенія, не веселыхъ ручьевъ, а тѣхъ мѣстъ, гдѣ онъ былъ такъ несчастливъ, тѣхъ мѣстъ, которыя были свидѣтелями его борьбы съ злою судьбою.

Парусъ надулся отъ свѣжаго юго-восточнаго

вѣтра, и плотъ медленно двинулся къ новой землѣ. Черезъ нѣсколько часовъ, то, что казалось ему съ острова Селькирка черноватой точкой, скалой, стало расти, расти, такъ что уже можно было различить довольно высокія горы, покрытыя зеленью, кустарникомъ, а можетъ быть и деревьями. Такъ онъ не ошибся! Это въ самомъ дѣлѣ островъ, и теперь уже нѣтъ никакого сомнѣнія, здѣсь живетъ, страдаетъ его другъ, съ которымъ онъ раздѣлитъ уединеніе... Скорѣе! скорѣе!..

Но плотъ подвигается равномѣрно медленно. Прошло еще нѣсколько часовъ. Оба острова, Санъ-Амброзіо и Селькиркъ, одинъ впереди, другой позади, для невооруженнаго глаза одинаково кажутся черными точками.

Вотъ мало-по-малу его островъ становится незамѣтнымъ даже при помощи подзорной трубы и униженно пропадаетъ въ волнахъ, а Санъ-Амброзіо, гораздо красивѣе, живописнѣе поднимается ясно, гордо, заманчиво... Уже Селькиркъ ищетъ подзорной трубой избушку, такую же, какъ была у него... А вѣтеръ между тѣмъ дуетъ все сильнѣе и сильнѣе.

Вдругъ, отъ одного порыва, мачта немного наклонилась впередъ, онъ бросился снова при-

крѣплять корни къ плоту. Напрасный трудъ! Корни поднимаются, парусъ все больше и больше тянетъ мачту и наконецъ вмѣстѣ съ нею падаетъ въ воду.

Но островъ Санъ-Амброзіо недалеко, и Селькиркъ не потерялъ бодрости духа. Схвативъ весла, онъ принялся изо всѣхъ силъ работать ими, но ничего не могъ сдѣлать, нисколько не могъ подвинуть тяжелаго плота, который то поднимался на вершину волнъ, то опускался, и покачиваясь такимъ образомъ, какъ-будто не шелъ ни взадъ, ни впередъ.

Селькиркъ не могъ сносить уединенія на своемъ богатомъ, живописномъ островѣ, а тутъ онъ одинъ среди неизмѣримаго океана на нѣсколькихъ едва связанныхъ между собою бревнахъ.

Онъ не смѣетъ ни взглянуть прямо на свое ужасное положеніе, ни вникнуть въ него: онъ боится за свой разсудокъ. Мачта ему нужна и парусъ. Койка есть вмѣсто паруса, а чтобы имѣть мачту—одно средство—отдѣлить одно изъ бревенъ плота и какъ-нибудь поставить его посрединѣ. Отъ этого, можетъ быть, плотъ не будетъ уже такъ проченъ, какъ прежде; да что же дѣлать? Вѣдь средствъ немного и выбирать не изъ чего.

Выбравъ такое дерево, которое, повидимому, меньше всего нужно было для прочности плота, онъ старается отдѣлить его, разрѣзываетъ связи, выдергиваетъ гвозди съ большою осторожностью... Но между тѣмъ, какъ онъ работалъ такимъ образомъ, плотъ попалъ въ одно изъ морскихъ теченій, которыхъ такъ много въ Тихомъ океанѣ. Справа и слѣва отъ плота, волны, поднятыя вѣтромъ, носились въ быстромъ, пѣнящемся потокѣ и вмѣстѣ съ нимъ несли плотъ прямо къ югу, въ даль отъ Санъ-Амброзіо, въ даль отъ острова Селькирка и отъ твердой земли. Куда же? Въ какихъ невѣдомыхъ глубинахъ океана долженъ погибнуть несчастный?

Къ довершенію несчастія, въ тѣхъ краяхъ послѣ дня вдругъ наступаетъ ночь, и сумерекъ почти не бываетъ.

Среди глубокой темноты Селькиркъ все плыветъ, плыветъ куда-то. Сначала онъ слышитъ, какъ подъ нимъ скрипитъ и трещитъ его непрочный плотъ; а потомъ, подъ ударами волнъ, которыя бросаютъ его то туда, то сюда, онъ началъ вертѣться, кружиться, сперва медленно, а потомъ быстрѣе и быстрѣе. Поднялась, наконецъ, луна, но не успокоила ужаса несчастнаго: голова у него кружилась, и синеватые отблески, пере-

бѣгавшіе въ разныхъ мѣстахъ по крутизнамъ волнъ, казались ему страшными призраками, которые собрались полюбоваться на его ужасную кончину.

Волосы у него стали дыбомъ, онъ былъ блѣденъ и, скорчившись, держался за одно изъ своихъ бревенъ, съ безсмысленнымъ ужасомъ стараясь остановить свой взоръ на одномъ изъ призраковъ, которые поднимались, падали и кружились вокругъ него.

Предъ неумолимою и неизбѣжною смертью, Селькиркъ уже не борется съ нею, а думаетъ только о томъ, что будетъ послѣ, о будущей жизни. Онъ приползъ къ тому мѣсту плота, гдѣ лежали его припасы, и жадно схватилъ свою замокшую Библію, не для того, чтобы ее читать, а чтобы только прижать къ своему сердцу. И стало ему тогда спокойнѣе, и сталъ онъ бодрѣе ожидать смерти.

Съ благоговѣніемъ поручалъ онъ себя Богу, упрекалъ себя въ томъ, что не былъ доволенъ ниспосланными ему благами, а все хотѣлъ какой-нибудь перемѣны, чего-нибудь новаго.

Тутъ, взглянувъ на небо, онъ увидѣлъ, при ясномъ свѣтѣ луны, невдалекѣ отъ себя, массу знакомыхъ скалъ: вотъ тюленья бухта, вотъ по-

среди скалъ покрытое тѣнью углубленіе, оазисъ, вотъ козья скала, на которой Селькиркъ, въ первый разъ ступивъ на свой островъ, видѣлъ козу, съ длинными рогами, когда ея очертаніе, чернымъ пятномъ красиво и четко рисовалось на ясной лазури; изъ-за этой скалы выглядывала ласково группа звѣздочекъ, будто звала... Не думая долго, онъ бросился въ воду и поплылъ. Долго, изо всѣхъ силъ боролся онъ съ теченіемъ и, наконецъ, едва дыша, утомленный, измученный, онъ ступилъ на каменное дно. Внѣ себя отъ радости, бѣгомъ добрался онъ до берега, упалъ на него и сталъ цѣловать гостепріимную землю.

Но радость исчезаетъ, какъ дымъ. Что осталось нашему бѣдному пустыннику послѣ этого опаснаго и безполезнаго плаванія? Топоръ, ружья, всѣ орудія, подзорная труба и даже Библія,— все поглощено моремъ.

Теперь-то для тебя, бѣдный Селькиркъ, наступило настоящее одиночество, теперь-то пришла пора, когда твои руки должны будутъ замѣнять тебѣ всякое искусственное орудіе, когда возлѣ тебя не будетъ ужъ ровно ничего человѣческаго, когда не будетъ у тебя утѣшительной книги, спасавшей тебя отъ отчаянія!

□□□

1-го февраля 1709 года, корабль «Бристольская Герцогиня», обогнувшій мысъ Горнъ вмѣстѣ съ другимъ кораблемъ, остановился возлѣ острова Жуанъ-Фернандецъ, подъ 33° южной широты, на разстояніи пяти-или шестисотъ верстъ отъ береговъ Чили.

Другой корабль долженъ былъ скоро пристать туда же.

У матросовъ показались признаки цынготной болѣзни, такъ что надо было остановиться отдохнуть и поправить здоровье экипажа.

Палатки были уже раскинуты; матросы разбрелись по всему острову и были очень удивлены, когда замѣтили, что вдали какое-то мохнатое существо лазитъ по самымъ неприступнымъ горамъ, обрывамъ и утесамъ и перепрыгиваетъ со скалы на скалу съ легкостью серны; стали подходить къ этому существу, обходить его, но оно убѣгало и скрывалось съ невообразимой быстротой.

Нѣкоторые изъ матросовъ хотѣли даже стрѣлять въ него, но одинъ офицеръ, по имени Доуэръ, запретилъ имъ это: къ счастію, у него мелькнула мысль, что это, можетъ быть, не обезьяна, а человѣкъ.

Возвратившись къ товарищамъ, матросы наперe-

рывъ стали разсказывать чудеса о томъ, что видѣли. Въ то время между моряками были въ большомъ ходу разныя чудовищныя сказки о великанахъ, открытыхъ въ Патагоніи, о морскихъ людяхъ по берегамъ Бразиліи, о черныхъ людяхъ съ ногами, какъ у раковъ, по ту сторону Парамарибо.

Поэтому матросы и рѣшили, что открытое въ тотъ день животное — особенный четвероногій человѣкъ; но такъ какъ въ такихъ предположеніяхъ—раздолье воображенію суевѣрныхъ и необразованныхъ людей, то нѣкоторые догадывались, что это или человѣкъ съ козьими ногами, или, можетъ быть, даже обезьяна съ козьей головой.

На другой день всѣмъ хотѣлось навѣрное узнать, что это такое. Матросы пошли цѣлой гурьбой, отыскали мѣсто, гдѣ спряталось загадочное существо, окружили его и схватили.

Это былъ Александръ Селькиркъ. Волосы у него были длинные, всклокоченные, борода успѣла отрасти огромная, тѣло прикрыто клочьями козьихъ шкуръ, глаза сверкали какимъ-то страннымъ блескомъ, и онъ исподлобья, со страхомъ смотрѣлъ на людей.

Когда его привели къ капитану корабля, Род-

жерсу, несчастный пустынникъ, потупившись, дрожалъ всѣмъ тѣломъ и на вопросы капитана отвѣчалъ что-то невнятное, съ трудомъ шевеля языкомъ и повторяя его послѣднія слова.

Мало-по-малу однако испугъ его прошелъ, онъ узналъ своихъ соотечественниковъ, англичанъ, и хотѣлъ сказать нѣсколько словъ; но языкъ не слушался его, онъ бормоталъ какіе-то странные, непонятные звуки.

Роджерсъ спросилъ его, съ которыхъ поръ, давно ли онъ на островѣ? Селькиркъ молчалъ, однако понялъ вопросъ, потому что вдругъ со страхомъ поднялъ глаза и оглянулся во всѣ стороны, будто измѣрялъ памятью время, проведенное имъ въ одиночествѣ. Самъ онъ хорошенько не зналъ, но помнилъ длинный рядъ постоянныхъ страданій. Пристально смотря себѣ на пальцы, онъ нѣсколько разъ открывалъ и сжималъ свои руки.

Судя по этому, можно было подумать, что онъ уже лѣтъ двадцать или тридцать на островѣ, и сначала всякій ему повѣрилъ, потому что на лбу у него были глубокія морщины, кожа сильно загорѣла, а въ бородѣ и на головѣ было уже много сѣдыхъ волосъ.

А Селькиркъ родился въ 1680 году:

тогда ему было едва только двадцать девять лѣтъ.

Отвѣтивъ такимъ образомъ пальцами, онъ опять пугливо оглянулся во всѣ стороны; въ немъ проснулось смутное воспоминаніе. Сдѣлавъ впередъ нѣсколько шаговъ, онъ радостно указалъ на одинъ кедръ. Это было то самое дерево, на которомъ въ день своего прибытія на островъ, Селькиркъ вырѣзалъ, столь памятные для него, годъ, мѣсяцъ и число. Тамъ, на зараставшей корѣ, прочли надпись:

«Александръ Селькиркъ — изъ Лардо, въ Шотландіи,—27 октября 1704 г.».

Онъ пропадалъ четыре года и три мѣсяца.

Страннымъ покажется, что человѣкъ, въ такое короткое время, могъ такъ ужасно одичать; но современникъ его, de Paw, пишетъ именно, что «одиночество и заботы о пропитаніи такъ поглощали всѣ его способности, что умъ у него почти совершенно притупился. Онъ одичалъ, какъ дикій звѣрь и почти совершенно разучился произносить понятные звуки».

За обѣдомъ Селькиркъ вмѣстѣ съ матросами получилъ порцію сухарей и солонины. Сухари онъ грызъ съ большимъ удовольствіемъ, но солонину никакъ не могъ ѣсть, потому что совер-

шенно отвыкъ отъ соли. Одинъ изъ матросовъ хотѣлъ особенно дружески угостить его и отдалъ ему свою бутылку, въ которой былъ ромъ пополамъ съ водой. Селькиркъ, послѣ перваго глотка, бросилъ бутылку, какъ будто она обожгла его.

Вечеромъ онъ былъ перевезенъ на корабль.

Тамъ, въ нѣсколько дней, онъ мало-по-малу привыкъ къ обыкновенной пищѣ. Мысли какъ будто просыпались у него въ головѣ, даръ слова возвращался, и онъ, хотя медленно, привыкалъ къ новому роду жизни.

Однажды утромъ, въ то время, когда весь экипажъ былъ занятъ дѣломъ, а изъ матросовъ кто собиралъ на берегу плоды, кто конопатилъ и смолилъ корабль, вдругъ издали, съ моря, принесся глухой раскатъ пушечнаго выстрѣла. Въ одинъ мигъ на кораблѣ все захлопотало: матросы полѣзли на мачты, народъ съ острова высыпалъ на берегъ, офицеры схватились за подзорныя трубы: это плылъ давно ожидаемый корабль, который тоже долженъ былъ пристать къ острову Жуанъ-Фернандецъ.

Главнымъ лоцманомъ на новомъ кораблѣ былъ знаменитый въ морскихъ лѣтописяхъ, неутомимый путешественникъ и воинъ, Вильямъ Демпиръ. Едва только онъ сошелъ на берегъ, какъ услы-

шалъ о новомъ чудѣ, дикомъ человѣкѣ. Демпиръ скоро вспомнилъ, что лѣтъ восемь тому назадъ онъ зналъ одного Александра Селькирка и еще вмѣстѣ съ нимъ служилъ на одномъ кораблѣ.

Сначала не узнали другъ друга прежніе товарищи; но Демпиръ назвалъ тотъ корабль, на которомъ они служили, назвалъ капитана, потомъ сказалъ свое имя, и Селькиркъ, внѣ себя отъ радости, бросился обнимать своего стараго друга.

То, что чувствовалъ Селькиркъ, описать невозможно: старый другъ и съ нимъ ясное воспоминаніе всего прошлаго какъ-будто электрическимъ ударомъ воскресили его душу.

Не теряя времени, Демпиръ обрѣзалъ волосы своему дикарю, обрилъ ему бороду, одѣлъ въ порядочное платье и представилъ его капитану Роджерсу, какъ храбраго, искуснаго моряка и своего стараго товарища.

Заботы и участіе Демпира оживили Селькирка. Почти первая, самостоятельная мысль его была о томъ несчастномъ, который, можетъ быть, до сихъ поръ томится на пустынномъ островѣ. Разсказавъ о бутылкѣ съ исписаннымъ пергаментомъ, онъ просилъ какъ можно скорѣе отправить туда лодку.

— Мой бѣдный другъ и пустынникъ,—отвѣчалъ ему Демпиръ, покачивая головой:—ближній отъ насъ островъ—Мас-а-Фуэра, а не Санъ-Амброзіо, который лежитъ почти подъ тропикомъ, стало быть, верстахъ въ девятистахъ отсюда. Тутъ есть какое-то недоразумѣніе во времени и мѣстѣ. Санъ-Амброзіо не пустъ; на немъ вотъ уже лѣтъ двадцать живутъ какіе-то разбойники-рыбаки. Въ послѣднее путешествіе мое приставалъ я къ ихъ острову; но они меня встрѣтили ружейными выстрѣлами, такъ что я долженъ былъ отвѣчать имъ изъ пушки. Стало быть, когда ты получилъ посланіе отъ этого бѣднаго Гонзальва или Гонзалеса, его давно уже не было въ живыхъ.

Исполнивъ такимъ образомъ то, что требовало человѣколюбіе, Селькиркъ спросилъ, не слыхать ли чего-нибудь о Страддлингѣ.

— Плохо кончились дѣла этого несчастнаго,—отвѣчалъ Демпиръ:—страшная буря наказала его за все то зло, какое онъ дѣлалъ: корабль и съ нимъ все имущество погибли; самъ Страддлингъ едва уцѣлѣлъ и съ трудомъ добрался до Шотландіи, оборванный, въ рубищѣ, нищій.

Слушая это, Селькиркъ вздохнулъ: ему жаль стало его бывшаго начальника; онъ былъ сча-

стливъ, что помирился со всѣми прошлыми непріятностями, помирился даже съ своимъ островомъ.

Каждый день онъ бродилъ со своимъ другомъ по разнымъ частямъ острова и уже съ любовью смотрѣлъ на тѣ мѣста, гдѣ онъ столько страдалъ. Конечно, Демпиръ скоро узналъ всю печальную исторію пустынника. Разсказавъ ему то, что мы уже знаемъ, до самой постройки плота и его крушенія, онъ съ какимъ-то стыдомъ началъ разсказывать о своихъ послѣднихъ несчастіяхъ, которыя довели его до того ужаснаго положенія, въ какомъ онъ былъ найденъ матросами.

Онъ потерялъ все, что у него было; потерявъ Библію, онъ лишился самой могущественной нравственной поддержки; топоръ, котелъ, лопаты пропали, и уже нельзя было работать; надо было только заботиться о пропитаніи. Сначала онъ ѣлъ только траву, плоды и коренья; но этого было мало; вооружась палкой, онъ сталъ гоняться за агути, а ежей ни не удавалось поймать ихъ или зашибить камнемъ, онъ ѣлъ крысъ.

Ночью онъ потихоньку взбирался на деревья и тамъ безпощадно удавливалъ тукана, мать вмѣстѣ съ ея птенцами, или изъ дупла доставалъ дятловъ. Но безъ шуму взлѣзать нельзя было, и

крылатая добыча очень часто ускользала у него изъ рукъ.

Онъ пытался сдѣлать лѣстницу; но въ то время, какъ онъ подрѣзывалъ подъ самый корень два длинные, тонкіе ствола, ножъ его, послѣднее орудіе, сломался, и онъ былъ въ отчаяніи.

Онъ пробовалъ сдѣлать себѣ изъ волоконъ алоэ сѣти для ловли птицъ; но всякое постоянное, продолжительное занятіе сдѣлалось для него несноснымъ, и онъ бросилъ эту работу.

Чтобы избавиться отъ мрачныхъ, страшныхъ мыслей, которыя не покидали его, онъ старался какъ можно больше утомлять свое тѣло.

Отъ постояннаго упражненія силы его развились невѣроятно. Кожа на ногахъ окрѣпла и затвердѣла такъ, что его уже не кололи ни иглы алоэ, ни острые кремни. Послѣ крайняго утомленія онъ засыпалъ, гдѣ попало, и это были его лучшіе, его самые счастливые часы.

Скоро онъ дошелъ до того, что догонялъ агути съ большою легкостью, такъ что уже пересталъ за ними гоняться; потомъ онъ принялся за козлятъ, а потомъ и за козъ. Онъ пріобрѣлъ столько ловкости, силы и такую вѣрность взгляда, что перепрыгнуть черезъ пропасть съ вершины одной скалы на другую было ему нипочемъ. Онъ даже

находилъ въ этомъ удовольствіе. Тутъ у него по-своему удовлетворялось самолюбіе.

Иной разъ, перепрыгивая черезъ огромныя пространства, онъ случайно хваталъ налету птицу.

Пришло, наконецъ, время, когда онъ безъ большихъ усилій догонялъ козу.

Когда ему хотѣлось ѣсть, онъ уходилъ въ горы, на самыя дальнія вершины, высматривалъ дичь, преслѣдовалъ ее, догонялъ, сбивалъ съ ногъ палкой или хваталъ за рога; потомъ оставшійся у него обломокъ ножа дѣлалъ свое дѣло. Снявъ съ козы шкуру, онъ взваливалъ ее себѣ на плечи и съ прежнею легкостью пробирался или въ пещеру какую-нибудь, или на дерево, гдѣ ему надо было въ тотъ день и ѣсть, и спать. Давно уже отказался онъ отъ своей избушки: отъ нея было слишкомъ далеко до вершинъ, гдѣ онъ охотился.

Когда у него была въ запасѣ убитая дичь, и тогда онъ все-таки пускался на охоту, но уже гонялся за козами только изъ удовольствія; поймавъ козу, онъ только надрѣзывалъ ей ухо. Въ послѣдніе годы своей жизни на островѣ, онъ переловилъ и отмѣтилъ такимъ образомъ больше пятисотъ головъ.

Послѣ его отъѣзда, мореходцы, пристававшіе къ острову Жуанъ-Фернандецъ, убивали много козъ, у которыхъ были надрѣзаны уши ножомъ Селькирка.

Тѣло его отъ безпрерывной дѣятельности крѣпло все больше и больше, но мысль, лишенная всякой пищи, со дня на день путалась и расплывалась въ неясныхъ, неопредѣленныхъ мечтахъ, почти въ сновидѣніяхъ наяву.

Иногда бывалъ онъ совершенно безчувственъ, а иногда боялся, самъ не зная чего, боялся темноты, дрожалъ при малѣйшемъ шелестѣ вѣтра въ листьяхъ: когда вѣтеръ былъ очень сильный, ему казалось, что вотъ-вотъ онъ вырветъ съ корнемъ всѣ деревья, и они раздавятъ его; когда во время бури море бѣшено билось въ берега, Селькирку все казалось, что оно сейчасъ поглотитъ весь островъ.

Когда онъ, ужъ давно не слыхавъ человѣческаго голоса, одинъ-одинехонекъ, бродилъ по лѣсамъ, особенно во время сильныхъ жаровъ, ему слышался иной разъ чей-то какъ-будто знакомый голосъ: — Селькиркъ!.. Онъ быстро озирался и, никого не видя, въ ужасѣ бросался бѣжать, и на головѣ у него волосы поднимались дыбомъ. Иной разъ ему слышались довольно длинныя фра-

зы; иныя прерывались на половинѣ, и онъ догадывался, что надо было сказать дальше, но догадывался какъ-то ощупью, смутно, неясно, какъ будто въ густомъ туманѣ, и всѣ эти слова и рѣчи были совсѣмъ постороннія и вовсе не относились къ его положенію.

Случалось, что онъ и узнавалъ голоса. То его мать говорила слугамъ, что пора поливать капусту; то командовалъ на кораблѣ Страддлингъ. Однажды онъ узналъ такимъ образомъ голосъ давно забытаго университетскаго товарища. Иногда онъ хотѣлъ самъ что-нибудь сказать, но ему съ трудомъ удавалось произнести нѣсколько нелѣпыхъ звуковъ.

Совсѣмъ переставъ говорить, онъ иногда еще пѣлъ, но тянулъ все какой-то одинъ однообразный, заунывный напѣвъ. Память его мало-помалу угасла. Порой онъ даже забывалъ о самомъ себѣ и жилъ какъ-то не человѣкомъ; но тогда, по крайней мѣрѣ, чувство одиночества не тяготило его, онъ не зналъ тогда своихъ несчастій.

Онъ припоминалъ, однако же, что одинъ разъ необыкновенный шумъ на берегу приблекъ его къ тюленьей бухтѣ; тамъ онъ увидѣлъ множество солдатъ и матросовъ. Отъ мысли, что онъ снова

будетъ съ людьми, сердце его сильно забилось, и онъ сталъ торопливо спускаться со скалъ; но вдругъ онъ услышалъ выстрѣлы, и нѣсколько пуль просвистѣло мимо его ушей. Онъ убѣжалъ такъ быстро, какъ еще никогда не бѣгалъ.

Однажды забрелъ онъ на то мѣсто, гдѣ прежде жилъ. Тропинокъ тамъ ужъ не было, гротъ былъ совсѣмъ заваленъ, избушка, вѣрно, была снесена бурей, но онъ узналъ ея мѣсто по пяти роскошнымъ миртамъ, на которыхъ было множество свѣжихъ отпрысковъ тамъ, гдѣ прежде были обрублены вѣтви. Только оба ручья, попрежнему весело и игриво извиваясь по долинѣ, сливались съ моремъ.

Тутъ услышалъ онъ шелестъ въ вѣтвяхъ дерева и поднялъ глаза, думая увидѣть Маримонду. Но это зашевелилась птица. Тогда онъ вспомнилъ, что Маримонда лежитъ въ оазисѣ; пошелъ туда, но, придя къ могилѣ, поросшей густой травой, онъ забылъ, зачѣмъ пришелъ: постоялъ, постоялъ и полѣзъ на крутизны скалъ... Страшно, страшно жить одному! Когда человѣкъ не можетъ оживить своей мысли чужою, мысль пропадаетъ и не живетъ въ безплодной головѣ.

— Да, мой бѣдный другъ,—сказалъ ему Демпиръ:—человѣку безъ другихъ людей нельзя обой-

тись, да, правду сказать, нечего и бѣгать людей. Конечно, между ними попадаются Страддлинги, но вѣрь мнѣ, я вотъ во второй разъ объѣзжаю кругомъ земной шаръ: на свѣтѣ гораздо меньше злыхъ, нежели добрыхъ, да и между дурными людьми больше необразованныхъ или взбалмошныхъ.

□□□

Капитанъ Роджерсъ также полюбилъ несчастнаго Селькирка и далъ ему на своемъ кораблѣ хорошее мѣсто. Незадолго до отъѣзда съ острова Жуанъ-Фернандецъ, Селькиркъ, при всѣхъ матросахъ обоихъ кораблей, показалъ, какъ онъ охотился за дикими козами. Одѣвшись въ свое прежнее платье, онъ отыскалъ козу и пустился ее преслѣдовать. Со скалы на скалу, съ крутизны на крутизну, онъ гналъ ее неутомимо, перескакивая черезъ широкія пропасти, и, наконецъ, согналъ въ долину. Тамъ измученная коза помчалась, какъ стрѣла, но не выдержала упорной погони. Какъ-то споткнувшись отъ усталости, она упала, и Селькиркъ принесъ ее капитану живою.

На одномъ кораблѣ съ Демпиромъ Селькиркъ путешествовалъ еще нѣсколько лѣтъ и вернулся въ Англію съ порядочнымъ состояніемъ. Тамъ

его исторія скоро сдѣлалась извѣстною, явилось множество описаній его жизни, и, наконецъ, въ 1717 году Даніэль де-Фоэ, воспользовавшись записками Селькирка и заимствовавъ изъ нихъ то, что было въ нихъ наиболѣе замѣчательнаго, но многое измѣнивъ и переиначивъ, написалъ своего «Робинзона Крузоэ».

У него человѣкъ въ одиночествѣ становится лучшимъ,—это исключеніе. Провидѣнію угодно было устроить такъ, чтобы человѣкъ жилъ въ обществѣ другихъ людей, чтобы жилъ для другихъ столько же, сколько и для себя, чтобы любилъ своихъ ближнихъ, приносилъ имъ свой трудъ и черпалъ изъ сообщества съ ними матеріалъ для собственнаго усовершенствованія.

Эгоистъ, себялюбецъ, который заботится только о самомъ себѣ, живетъ одинъ на свѣтѣ, какъ Селькиркъ; онъ не повинуется волѣ Провидѣнія, но, по той же самой неисповѣдимой волѣ, нравственно падаетъ такъ же низко, какъ Селькиркъ.

КОНЕЦЪ.

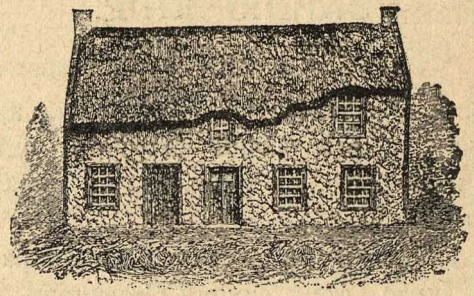
ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Въ селеніи Ларго, въ Шотландіи, находится памятникъ, изображающій охотника, одѣтаго въ шкуру животнаго, съ ружьемъ въ рукѣ, глядящаго въ даль.

Это памятникъ Александру Селькирку, уроженцу Ларго, тому самому Селькирку, приключенія котораго послужили Даніэлю де-Фоэ сюжетомъ для «Робинзона Крузоэ».

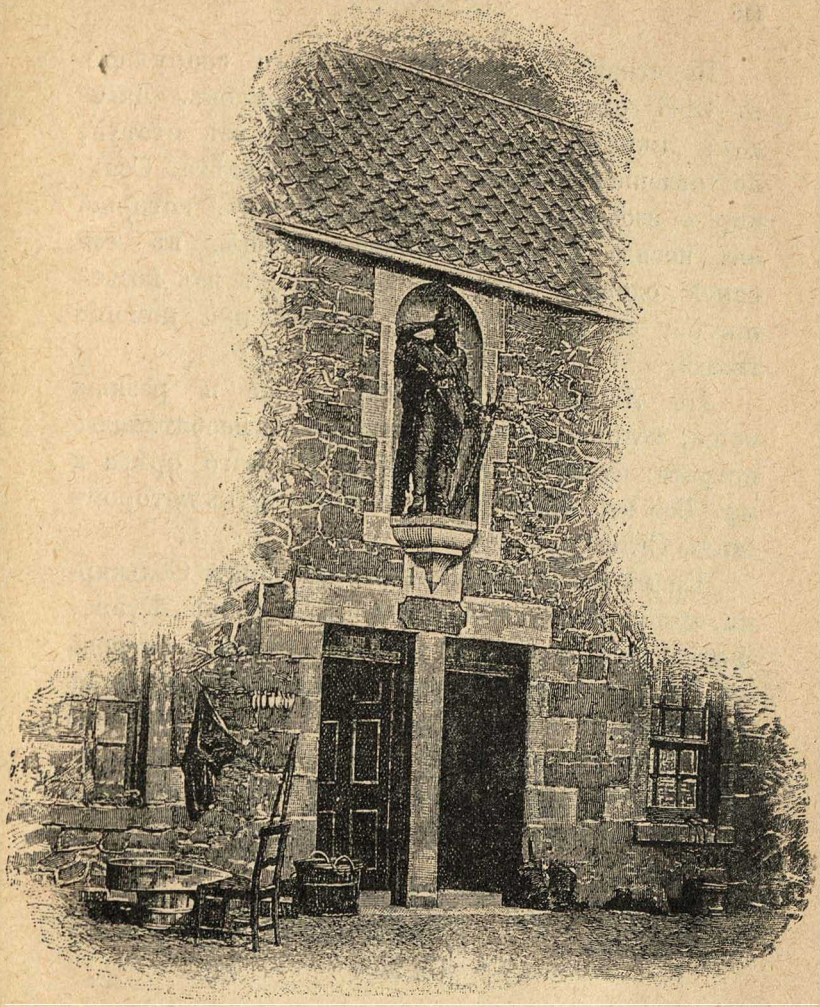
Ларго очень красивый приморскій уголокъ въ графствѣ Файфъ. Селькиркъ былъ седьмымъ сыномъ мѣстнаго башмачника, и это обстоятельство имѣло для него немаловажное значеніе. Дѣло въ томъ, что, по шотландскому повѣрью, седьмой сынъ долженъ имѣть особенныя, замѣчательныя свойства и предназначается судьбою для чего-либо необыкновеннаго. И вотъ, вѣруя въ

такія особенныя свойства своего сына, мать Александра Селькирка рѣшила, что онъ долженъ прославиться какъ ученый. Отецъ же, не раздѣлявшій суевѣрныхъ надеждъ жены, засаживалъ сына за свое ремесло. Благодаря, однако, настояніямъ матери, Селькирку удалось окончить училище, а затѣмъ поступить и въ университетъ.



Домъ Селькирка въ Ларго.

Но избалованный, своевольный и взбалмошный юноша не окончилъ курса и, мечтая о богатствѣ, занялся торговыми дѣлами, въ которыхъ ему, однако, не повезло. Въ концѣ концовъ пришлось бросить и ученіе, и торговлю и вернуться въ Ларго. Тамъ онъ пробылъ недолго и, въ поискахъ куска хлѣба, отправился въ Дунбаръ, гдѣ нанялся матросомъ. Дальнѣйшая его судьба извѣстна.



Памятникъ Селькирку въ Ларго.

Памятникъ Селькирку въ Ларго сооруженъ въ 1885 году однимъ изъ его потомковъ, Давидомъ Джилансомъ. Онъ состоитъ изъ статуи, поставленной въ нишѣ, въ ростъ человѣка. Селькиркъ изображенъ въ томъ костюмѣ, который онъ носилъ на необитаемомъ островѣ, въ той самой одеждѣ, которую онъ сшилъ изъ козьей шкуры на необитаемомъ островѣ при помощи гвоздя.

Въ Ларго сохранились также и разныя вещи, которыя вывезъ Селькиркъ съ необитаемаго острова: сундукъ, чаша изъ кокосоваго орѣха и пр. Все это хранится въ томъ домѣ, въ которомъ жилъ Селькиркъ.

Кромѣ памятника въ Ларго, въ память Селькиркa, однимъ изъ его почитателей на островѣ Жуанъ-Фернандецъ, томъ самомъ необитаемомъ островѣ въ Южной Америкѣ, гдѣ Селькиркъ прожилъ въ одиночествѣ четыре года и четыре мѣсяца (1704—1708), на самой возвышенной точкѣ поставлена въ 1867 памятная доска, напоминающая о героѣ Робинзона Крузоэ.

Библиотека Института Народнаго Образованія им. А.Л. Шанявскаго

2014079157

16 МАЙ 1944

ИЗДАНІЯ Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ

Дефоэ, Даніэль. Путешествія и удивительныя приключенія Робинзона Крузоэ. Переводъ И. Бѣлова, подъ редакціей и съ предис. М. Никольскаго. Съ 148 иллюстраціями и 1 хромолитограф. картиной художника В. Пажета. Изд. третье. 8 д. л. 370 стр. Въ роскошн. коленк. перепл., съ папочн. футл. Ц. 2 р. 75 к.

Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. допущено въ ученическія библ. средн. учебн. зав. (Отз. Д-та Нар. Пр., отъ 11 авг. 1900 г., № 21,053).

Одобрено въ критико-библіографич. указателѣ книгъ, рекомендуемыхъ для чтенія дѣтямъ, составл. кружкомъ преподавателей подъ ред. А. Анненской, В. Герда и др.

Дефоэ, Даніэль. Робинзонъ Крузоэ, его жизнь, путешествія и удивительныя приключенія на необитаемомъ островѣ, переводъ подъ редакціей И. Бѣлова. Съ рисунками, рѣзанными на деревѣ. Въ коленкор. переп. Ц. 1 р. 50 к.

Дернъ, Жюль. Школа Робинзоновъ. Исторія искателя приключеній. Повѣсть. Переводъ М. Вельде. Съ 51 политипаж. въ текстѣ Бенетта. 8 д. л. 252 стр. 1883 г. Въ папочн. перепл. Ц. 2 р. — к.

Одобрено въ Обзорѣ дѣтской литературы, составл. кружкомъ учащихъ подъ ред. В. Гаршина и А. Герда.

Дестунисъ, Софія. Петербургскіе Робинзоны. Разсказы для дѣтей. Съ 6 раскрашенными рис. 8 д. л. 132 стр. Въ папочн. перепл. Ц. 2 р. — к.

Дѣвочка-Робинзонъ, или Желя на необитаемомъ островѣ. Повѣсть для юношества. Съ англійскаго. Третье изданіе, подъ редакціей И. Бѣлогерскаго. Съ 17 ил. Въ изящномъ коленкоровомъ перепл., съ золототисн. и золотообрѣзомъ. Ц. 1 р. 50 к.

Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. допущено въ ученическія библіотеки городскихъ училищъ и среднихъ учебныхъ заведеній, а равно и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки (Отд. Д-та Нар. Пр., отъ 3 мая 1903 г., № 14,327), и въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ (Отд. № 2,533 15 февраля 1905 г.).

Разинъ, А. Настоящій Робинзонъ. Приключенія Александра Селькирка на необитаемомъ островѣ Тихаго океана. Заимствовано съ французскаго. Съ рисунками. Изд. 5-ое (печатается).

Включено въ опытъ каталога ученическихъ младшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства Мин. Нар. Пр.

Одобрено въ Обзорѣ дѣтской литературы, составл. кружкомъ учащихъ подъ ред. В. М. Гаршина и А. Я. Герда, и причислено къ особенно рекомендуемымъ книгамъ.

Съ требованіями обращаться въ книжные магазины Товарищества М. О. ВОЛЬФЪ—въ С.-Петербургѣ: 1) Гостиный Дворъ, 18; 2) Невскій пр., 1 : въ Москвѣ: 1) Кузнецкій Мостъ, 12, 2) Моховая, 22.

Типографія Т-ва М. О. Вольфъ. Спб., В. О., 16 л. д.-5—7.